

ТЕОДОР ДРАЙЗЕР

ТИТАН

Трилогия желания

Теодор Драйзер

Титан

«МедиаКнига»

1914

Драйзер Т.

Титан / Т. Драйзер — «МедиаКнига», 1914 — (Трилогия желания)

Издательство «МедиаКнига» представляет культовую книгу знаменитого английского писателя Теодора Драйзера – «Финансист» (The Financier) – классику мировой литературы. Книга представлена на основе наиболее точного и полного современного перевода, без цензурных купюр и политических и идеологических редакций текста. В основу романа положена история жизни американского миллионера Чарльза Йеркса (1837–1905). Впервые роман был опубликован в 1914 году. Книга переведена на большинство языков мира. Выдержала многомиллионные издания и была неоднократно экранизирована и не потеряла свою актуальность до сих пор. Когда Фрэнк Алджернон Каупервуд вышел из тюрьмы Восточного округа Филадельфии, он понимал, что прежняя жизнь, проведенная в городе его детства, навсегда закончилась. Его юность прошла, и вместе с ней канули грандиозные деловые перспективы его раннего возмужания. Придется все начинать сначала.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	24
Глава 7	29
Глава 8	34
Глава 9	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Теодор Драйзер

Титан

Глава 1

Новый город

Когда Фрэнк Алджернон Каупервуд вышел из тюрьмы Восточного округа Филадельфии, он понимал, что прежняя жизнь, проведенная в городе его детства, навсегда закончилась. Его юность прошла, и вместе с ней канули грандиозные деловые перспективы его раннего возмужания. Придется все начинать сначала.

Было бы бесполезно повторять, каким образом вторая волна биржевой паники, связанная с банкротством «Джей Кук и К^о» помогла ему нажить второе состояние. Возвращение богатства до некоторой степени смягчило его ожесточенную душу. Казалось, сама судьба позаботилась о его личном благополучии. Но так или иначе, биржевая торговля как способ накопления капитала теперь внушала ему отвращение, и он решил раз и навсегда покончить с ней. Он займется чем-нибудь другим, – трамвайными линиями, земельными сделками, безграничными возможностями освоения дальнего Запада. Филадельфия больше не привлекала его. Хотя теперь он был свободен и богат, но оставался скандальной фигурой для лицемеров, неприемлемой в светских и финансовых кругах. Ему придется прокладывать путь в одиночку, без чьей-либо помощи, пока бывшие друзья будут издали следить за его карьерой. С мыслями об этом он собрался в дорогу, а его очаровательная возлюбленная, которой исполнилось двадцать шесть лет, приехала на вокзал, чтобы проводить его. Каупервуд с нежностью смотрел на нее; для него она была средоточием особого рода женской красоты.

– До свидания, дорогая, – он улыбнулся, когда звонок известил о скором отправлении поезда. – Мы с тобой скоро выберемся отсюда. Не грусти. Я вернусь через две-три недели, либо сообщу, что ты можешь приехать ко мне. Я бы взял тебя с собой уже сейчас, но сначала нужно провести разведку местности. Мы найдем подходящее жилье, а потом ты увидишь, как я решу вопрос с нашим положением в обществе. Тучи не всегда будут ходить над нами. Я получу развод, мы поженимся, и дела пойдут на лад. Деньги помогут это сделать.

Он смотрел на нее невозмутимым и проницательным взглядом, когда она положила ладони ему на щеки.

– Ох, Фрэнк, – воскликнула она. – Я буду так скучать по тебе! Ты – это все, что у меня есть.

– Через две недели, – он снова улыбнулся, когда поезд пришел в движение. – Я вернусь или пришлю телеграмму. Будь хорошей девочкой, моя милая.

Она проводила его обожающим взглядом, – жертва любви, избалованное дитя, любимица семьи, пылкая, влюбчивая, исполненная той энергии, которая так притягательна для мужчин, – откинула головку с прелестными рыжевато-золотистыми локонами и послала ему воздушный поцелуй. Потом она пошла прочь широкой плавной походкой, заставляя мужчин оглядываться на нее.

– Это она! – обратился один станционный служащий к другому. – Это дочь старого Батлера. Бог ты мой! Разве мужчина может желать чего-то лучшего?

Это было той данью, которую страсть и зависть неизменно отдают здоровью и красоте. Той осью, на которой вращается мир.

До этой поездки Каупервуду никогда не приходилось бывать западнее Питтсбурга. Какими бы блестящими ни были его невероятные коммерческие авантюры, они почти исклю-

чительно находились в пределах косного и благоразумного мирка Филадельфии с его изощренной кастовой системой, претензиями на общественное превосходство и традиционное лидерство в коммерческой жизни Америки, консервативным богатством, слащавой респектабельностью и всеми вкусами и предпочтениями, которые с этим связаны. Каупервуд помнил, как он едва не покорил этот уютный мирок и не присвоил его святыни, пока не наступил крах. Он почти добился своей цели, однако теперь он стал Измаилом¹ и бывшим преступником, хотя и миллионером. Но подождите! Это гонка для проворных и битва для сильных, снова и снова повторял он себе. Он еще испытает мир на прочность и постарается выжить под его пятой.

Чикаго наконец замаячил перед Каупервудом на второе утро. Он провел две ночи в аляповатом пульмановском вагоне, который тщился возместить неудобства путешествия изобилием бархатной обивки и перекрученного стекла, когда стали появляться первые аванпосты столицы прерий. Соседние пути разветвлялись и становились все более многочисленными, телеграфные столбы обрастали поперечинами и густой паутиной проводов. Где-то вдали тут и там виднелись отдельные дома, где жили предприимчивые люди, построившие себе жилье так далеко, чтобы воспользоваться скромными, но определенными преимуществами, которые принесет неукротимый рост города.

Местность была плоской, как стол, с чахлыми кустиками бурой прошлогодней травы, слегка колыхавшимися под утренним бризом. Внизу едва проступала новая зелень как знамение приближающейся весны. По какой-то причине ясный воздух скрывал очертания города за легкой дымкой, словно мужу, застывшую в янтаре, и придавал ему трогательное художественное изящество. Уже будучи преданным любителем искусства, стремившимся разбираться в его тонкостях и глубоко сожалеющим об утрате своей коллекции, собранной в Филадельфии, Каупервуд ценил любые красивые проявления природы.

Количество железнодорожных путей увеличилось. Здесь собрались тысячи грузовых вагонов с всех концов страны: красные, желтые, голубые, зеленые и даже белые. (Насколько он помнил, в Чикаго заканчивалось более тридцати железных дорог, как будто на краю света.) Низкие одноэтажные и двухэтажные домики, по виду недавно построенные и часто некрашенные, были уже закопчены и покрыты пятнами сажи. На переездах, где ожидали неторопливые вагоны конки и двухместные коляски с грязными колесами, он замечал, что улицы были ровными и немощеными, в то время как тротуары ритмично поднимались и опускались, где через короткие лестницы с настоящими помостами перед домами, где через длинные доски, уложенные прямо на пыльный грунт прерии. Что за город! Вскоре показался рукав маленькой и грязной, но кичливой и оживленной реки Чикаго с массой пылящих буксиров, маслянистой темной водой и высокими красными, коричневыми и зелеными башнями зерновых элеваторов, огромными черными угольными доками и желто-бурыми складами пиломатериалов.

Здесь кипела жизнь, и он моментально почувствовал это. Бурлящий город рос и строился буквально на глазах. Даже в самом воздухе присутствовало нечто бодрящее и динамичное. Как это отличалось от Филадельфии! Она тоже была деятельным городом, и когда-то Каупервуд считал ее удивительным городом, настоящим миром в себе... но этот город, хотя и являвший собой несравненно худшее зрелище, был лучше. Он выглядел более юным и многообещающим. В сверкании утреннего солнца лившемся между двумя угольными бункерами, пока поезд остановился перед разводным мостом, пропускавшим в обе стороны с десятков громадных барж с зерном и древесиной, он видел группу ирландских грузчиков, отдыхавших на берегу перед лесным складом, стена которого подступала к воде. Это были здоровые мужчины в синих или красных спецовках, подпоясанных грубыми ремнями, с короткими трубками в зубах: славных, крепких и загорелых представителей своего ремесла. Он невольно задавался вопросом, почему они выглядят так привлекательно. Этот грязный и примитивный город самым есте-

¹ Имеется в виду изгнание библейского Измаила (Ишмаэля) с матерью в пустыню Фарран (*прим. пер.*).

ственным образом предлагал волнующие живописные картины. Настоящая песня! Здешний мир был молод и открывал новые просторы для жизни. Вероятно, будет лучшее вообще не ехать отсюда дальше на северо-запад, но это он решит потом.

Тем временем он имел при себе рекомендательные письма для влиятельных граждан Чикаго, которые собирался представить их вниманию. Он хотел поговорить с некоторыми банкирами, зерновыми торговцами и комиссионерами. Чикагская торговая биржа представляла интерес для него, поскольку он досконально разбирался в этом бизнесе, а здесь совершались самые крупные сделки по продаже и покупке зерна.

Поезд наконец миновал облезлые задние фасады домов и приблизился к ряду неряшливых дощатых платформ под наскоро возведенными крышами. Пока паровозы изрыгали дым, а пассажиры деловито сновали взад-вперед, Каупервуд выбрался на Кэнэл-стрит и подозвал ожидающий кеб, – первый в длинном ряду экипажей, что свидетельствовало о потугах на столичный дух. Он заранее выбрал «Гранд Пасифик» как главный местный отель с наивысшим социальным статусом, поэтому распорядился отвезти его туда. По пути он изучал городские улицы, как искусствовед мог бы изучать картину. Маленькие желтые, голубые, зеленые и коричневые вагоны конки, которые он видел повсюду, запряженные усталыми тощими лошадьми со звякавшими колокольчиками на шее, показались ему очень трогательными. Вагончики были хрупкими конструкциями, в основном из лакированной фанеры с латунными вставками и стеклянными окошками, но Каупервуд понимал, какое богатство они предвещали при дальнейшем развитии города. Он пришел к пониманию того, что уличные трамваи на конной тяге или без нее являются его призванием. Мысль о трамвайных линиях и безграничных возможностях для махинаций с ними нравилась ему даже больше, чем банковское дело и организация биржевых торгов.

Глава 2

Разведчик

Фрэнк Алджернон Каупервуд находился в Чикаго, развитие которого вскоре окажется неразрывно связанным с его именем. Кто еще стяжает лавры завоевателя этой западной Флоренции? Это был город певучего пламени, воплощение Америки, город-поэт в меховых гамашах и кожаных штанах, грубый и неотесанный титан, – Роберт Бернс посреди других городов! Он раскинулся у блистающего озера, как король в рваных обносках, как ворчащий мужлан, слагающий собственный эпос, как бродяга с железной хваткой будущего Цезаря и драматическим талантом Еврипида в душе. Город-бард, воспевающий великие деяния и возвышенные надежды, с тяжелыми башмаками, глубоко увязшими в трясине обстоятельств. Гордись своими Афинами, о Греция! Италия, воспевай свой Рим! А это был Вавилон, Троя или Ниневия давно минувших дней. Здесь ненасытный Запад сходил с исполненным надежд Востоком. Здесь голодные люди, набивавшие кровавые мозоли в своих лавках и на полях, воздвигали для себя империю из грязи.

Из Нью-Йорка, Вермонта, Нью-Гемпшира и Мэна стекались разношерстные толпы энергичных, терпеливых, решительных людей, незнакомых с азбучными истинами этикета, но жаждущих вещей, об истинной ценности которых они не догадывались, даже если бы получили их, – людей, стремившихся к величию, но не ведавших путей к его достижению. Сюда прибывали мечтательные джентльмены с Юга, лишенные наследства, исполненные надежды выпускники Йейля, Гарварда и Принстона, предприимчивые рудокопы из Калифорнии и Скалистых гор с мешками золота и серебра. Здесь почти каждый был ошеломленным иностранцем, сбитым с толку звуками чужеземной речи: венгры, поляки, шведы, немцы и русские создавали свои общины, опасаясь соседей другой национальности.

Здесь имелись негры, мошенники, шулеры и романтические искатели приключений *par excellence*.² Город с небольшой горсткой местных уроженцев; город, наполненный отбросами общества из тысячи других городов. Сияли огни публичных домов; в барах звенели банджо, цитры и мандолины. Все возвышенные мечтания и низменные побуждения находили уладу в новообретенном чуде столичной жизни на Западе.

Первым известным чикагцем, к которому обратился Каупервуд, был президент Национального банка Лейк-Сити, крупнейшего финансового учреждения в городе с капиталом более четырнадцати миллионов долларов. Банк находился на Дирборн-стрит в Мунро, всего лишь в двух кварталах от его отеля.

– Выясните, кто он такой, – распорядился президент банка Джуд Эддисон, когда увидел, как Каупервуд входит в его личную приемную.

Кабинет мистера Эддисона был оборудован внутренними стеклянными окнами, поэтому он мог видеть всех, кто входил в приемную до того, как они могли увидеть его. Лицо и манеры посетителя сразу же произвели на него впечатление. Долгое знакомство с банковскими домами и финансовыми предприятиями придавало особый лоск той непринужденности и уверенности в себе, которой он обладал от природы. Он выглядел необычно подвижным для человека тридцати шести лет и при этом создавал впечатление учтивости, степенности и проницательности. Его глаза были такими же ясными, как у ньюфаундленда или шотландской пастушьей овчарки, такими же простодушными и обаятельными. Это были удивительные глаза, иногда мягкие и светившиеся глубоким человеческим пониманием, но которые в одно мгновение могли стать

² Здесь: в целом (прим. пер.).

жесткими и метать молнии. Его взгляд был обманчивым и непроницаемым, но в равной мере привлекательным для мужчин и женщин в самых разных условиях и обстоятельствах.

Секретарь вернулся с рекомендательным письмом Каупервуда, и тот не замедлил последовать за ним. Мистер Эддисон инстинктивно поднялся с места, как он поступал далеко не всегда.

– Рад знакомству с вами мистер Каупервуд, – вежливо произнес он. – Я заметил вас сразу же, когда вы вошли. Как видите, у меня здесь есть окно, откуда можно обозревать ближайшие окрестности. Садитесь, прошу вас. Не хотите ли яблочка? – он открыл левый ящик стола, достал несколько блестящих красных яблок, и протянул одно из них посетителю. – Я неизменно съедаю яблоко примерно в это время суток.

– Спасибо, не стоит, – добродушно отозвался Каупервуд, в привычной для себя манере приспособляясь к характеру и умственному складу собеседника. – Ценю вашу любезность, но я никогда не ем между вторым завтраком и обедом. В Чикаго я проездом, но решил безотлагательно явиться к вам с письмом. У меня сложилось впечатление, что вы можете немного рассказать об этом городе с точки зрения инвестиций.

Пока Каупервуд говорил, Эддисон, – коренастый, грузный, румяный мужчина с седеющими каштановыми бакенбардами, доходившими до мочек ушей, и жесткими, пронзительными серыми глазами, – сидел с гордым и самодовольным видом, жевал яблоко и наблюдал за посетителем. Как это часто бывает, люди часто нравились или не нравились ему с первого взгляда, и он высоко ценил свою способность судить у них. Для такого консервативного человека, как он, было едва ли не глупо поддаваться обаянию Каупервуда, – человека, безмерно превосходившего его в интеллектуальном плане, – но не из-за письма Дрекслея, где последнего рекомендовали как «бесспорного финансового гения», который может принести большую пользу Чикаго, если обоснуется в городе, а из-за чарующего взгляда собеседника. Хотя внешне Каупервуд сохранял полнейшую невозмутимость, от него веяло огромной человеческой силой, трогавшей сердце его коллеги-банкира. Оба человека в своем роде были ходячими загадками, но личность уроженца Филадельфии было гораздо более изощренной. Эддисон был добросовестным прихожанином и образцовым гражданином; он представлял мировоззрение, до которого Каупервуд никогда не смог бы снизойти. Оба они на свой манер были безжалостными и старались брать от жизни все возможное. Но Эддисон был слабее, поскольку он все еще боялся того, что жизнь может совершить с ним. Человек, стоявший перед ним, утратил чувство страха. Эддисон рассудительно жертвовал на благотворительность, внешне соблюдал унылую общественную рутину, делал вид, будто любит свою жену, от которой давно устал, и втайне предавался незамысловатым удовольствиям. Человек, стоявший перед ним, не обязывался соблюдать никаких правил, не раскрывал душу никому, кроме самых близких людей, над которыми он имел духовную власть, и поступал так, как считал нужным для себя.

– Ну что же, мистер Каупервуд, – начал Эддисон. – Мы здесь, в Чикаго, имеем такое высокое мнение о себе, что иногда опасаемся говорить открыто, чтобы не показаться слишком экстравагантными. Мы похожи на младшего сына в семье, который знает, что он может превзойти всех остальных, но не хочет этого делать... пока что не хочет. Мы не такие уж любезные, – а разве вам приходилось видеть любезного подростка? – но мы совершенно уверены, что сможем стать любезными, обходительными и симпатичными. Каждые полгода мы вырастаем из старой обуви, курток и штанов, поэтому выглядим не слишком модно, но как вы обнаружите, когда осмотритесь вокруг, мистер Каупервуд, под этой одеждой скрываются сильные мышцы и крепкие кости. Тогда вы не будете обращать особенного внимания на наши наряды.

Круглые и совершенно искренние глаза мистера Эддисона прищурились и на мгновение их взгляд стал жестким, а в его голосе появились металлические нотки. Каупервуд видел, что он действительно влюблен в свой город. Чикаго был его самой любимой наложницей. Секунду спустя в уголках его глаз собрались морщинки, складки у губ разгладились, и он улыбнулся.

– Буду рад поведать вам обо всем, что в моих силах, – продолжал он. – Здесь есть множество интересных вещей.

Каупервуд одобрительно улыбнулся в ответ. Он стал расспрашивать о состоянии разных отраслей, профессий и ремесел. Чикагская атмосфера отличалась от той, которая преобладала в Филадельфии: она была более свежей и привольной. Склонность к экспансии и максимальному использованию местных преимуществ была качеством дальнего Запада, которое ему нравилось независимо от того, собирался ли он принимать участие в чикагских деловых предприятиях. В любом случае, здешний климат был благоприятным для его будущего. Ему предстояло изжить воспоминания о тюремном сроке и избавиться от жены и детей, – по крайней мере, в юридическом смысле, поскольку он не хотел избавляться от финансовых обязательств перед ними. Каупервуд нуждался в энергичном и непринужденном мироощущении Западных штатов ради искупления той силы и свободы, с которой он игнорировал и отбрасывал общепринятые нормы поведения. Фраза «Мои желания превыше всего остального» были его жизненным девизом, но для этого ему предстояло умиротворить и обуздать предрассудки других людей. Он чувствовал, что хотя этот банкир не станет податливой глиной в его руках, но склонен к прочному и взаимовыгодному знакомству.

– Город произвел на меня весьма благоприятное впечатление, мистер Эддисон, – сказал он через некоторое время, хотя внутренне признавался самому себе, что это не совсем так; он сомневался, что в конце концов сможет примириться с жизнью в окружении котлованов и строительных лесов. – Правда, я видел лишь незначительную его часть после приезда сюда. Мне нравится местная хватка и я верю, что у Чикаго есть будущее.

– Полагаю, вы прибыли сюда через Форт-Уэйн, – отозвался Эддисон. – Вы видели самые худшие районы, так что разрешите мне показать вам некоторые лучшие части. Кстати, где вы остановились?

– В отеле «Гранд Пасифик».

– Как долго вы намерены пробыть здесь?

– Не более двух дней.

– Давайте посмотрим... – мистер Эддисон извлек часы из жилетного кармана. – Думаю, вы не будете возражать против встречи с группой наших уважаемых людей. У нас есть небольшой буфет в клубе «Юнион-лиги»,³ куда мы время от времени заглядываем. Если желаете, мы могли бы прийти туда вместе к часу дня. Мы обязательно найдем там нескольких видных юристов, судей и бизнесменов.

– Это будет замечательно, – без обиняков согласился Каупервуд. – Более чем щедрое предложение с вашей стороны. Между тем, я собираюсь встретиться еще кое с кем, а потом... – он встал и посмотрел на собственные часы, – ...я найду клуб «Юнион-лиги». Не подскажете, где находится офис «Арнил и К°»?

При упоминании оптового поставщика говядины, который был одним из крупнейших вкладчиков банка, Эддисон одобрительно наклонил голову. Этот человек, как минимум на восемь лет моложе него, казался ему будущим финансовым магнатом.

После разговора с дородным, консервативным и напористым Арнилом и хитроумным директором фондовой биржи Каупервуд направился в клуб «Юнион-лиги», где встретился с разношерстной компанией людей в возрасте от тридцати пяти до шестидесяти пяти лет, собравшихся вокруг стола в частной столовой, отделанной резным черным орехом, с портретами виднейших граждан Чикаго на стенах и намеком на художественное изящество в виде витражных окон. Тут были приземистые и высокие мужчины, полные и худые, темноволосые

³ «Юнион-лига» – система мужских республиканских клубов полузакрытого типа, созданная в годы Гражданской войны в США (1861–1865) в поддержку президента Линкольна и против демократов, среди которых были сильны антивоенные настроения (прим. пер.).

и светловолосые, чьи глаза и челюсти наводили на мысли о разных животных: от тигра, рыси и медведя до лисы, добродушного мастиффа и угрюмого бульдога. Явных слабаков в этом обществе избранных не наблюдалось.

Мистер Арнил и мистер Эддисон уже удостоились одобрения Каупервуда как проницательные и сосредоточенные люди. Кроме того, его заинтересовал Энсон Меррилл, – миниатюрный, вежливый, с изысканными манерами, навевавшими образы роскошных особняков с многочисленными слугами. Эддисон назвал Меррилла знаменитым королем одежной мануфактуры, носившей его имя, который стоял во главе оптовой и розничной торговли этими товарами в Чикаго.

Еще одной знаменитостью был мистер Рэмбо, первопроходец в строительстве железных дорог. Представляя их друг другу, Эддисон шутливо заметил:

– Мистер Рэмбо, мистер Каупервуд из Филадельфии пробует выяснить, где он тут может потерять деньги. Не могли бы вы продать ему кусок тех пустошей, которые приобрели на северо-западе?

Рэмбо, – худощавый и бледный чернобородый мужчина со скупыми и четкими движениями, – одетый, как заметил Каупервуд, с гораздо лучшим вкусом, чем многие из присутствовавших, – окинул его внимательным, но сдержанным взглядом и улыбнулся приятной, немного загадочной улыбкой. Ответный взгляд ему было трудно забыть: глаза Каупервуда говорили больше, чем любые слова. Вместо того, чтобы отделаться незначительной шуткой, мистер Рэмбо решил объяснить ему кое-что о положении дел на Северо-Западе. Вероятно, это заинтересует филадельфийца.

Для человека, недавно вышедшего победителем из тяжелейшей жизненной схватки, который испытал на себе все оттенки порядочности и двуличия, сочувствия и крючкотворства со стороны группы влиятельных людей, имеющих в каждом городе Америки, настроение других влиятельных людей в другом большом городе не имеет особого значения... но все же имеет. Каупервуд уже давно расстался с идеей о том, что человеческие качества в любых условиях и обстоятельствах, – климатических, географических или каких-то иных, – могут отличаться друг от друга. Для него самой примечательным свойством рода человеческого была странная алхимия, позволявшая людям становиться всем или ничем в зависимости от времени и обстоятельств. В моменты отдыха, свободные от практических расчетов, которые выдавались довольно редко, он иногда размышлял об истинном предназначении жизни. Если бы он не был великим финансистом и прежде всего выдающимся организатором, он мог бы стать адептом философии индивидуализма, но такое призвание, – если он вообще думал о нем, – казалось ему довольно банальным. Он имел дело с материальной стороной жизни, или, скорее, со второстепенными и третьестепенными теоремами и силлогизмами, предназначенными для управления материальными вещами и достижения богатства. Сейчас он находился здесь для того, чтобы разобраться в общих потребностях и огромных возможностях Среднего Запада, – для того, чтобы по мере возможности ухватиться за определенные источники власти и богатства и достичь общепризнанного авторитета. В своих утренних разговорах Каупервуд узнал о масштабе и особенностях скотных дворов и мясной торговли, о доходах крупных железнодорожных и паромных компаний, о бурном развитии сферы недвижимости, зерновых спекуляций, гостиничного дела и монтажно-конструкторских работ. Он узнал об универсальных производственных компаниях, производивших автомобили, лифты, сноповязалки, моторы и ветряные мельницы. Судя по всему, любая новая индустрия хорошо приживалась в Чикаго. В разговоре с директором товарной биржи он выяснил, что лишь немногие местные акции торговались на фондовой бирже. Основной объем торгов приходился на товарные спекуляции пшеницей, кукурузой и другими зерновыми культурами. Акциями крупных компаний Восточных штатов играли на Нью-Йоркской фондовой бирже по арендованным телеграфным линиям, а не наоборот.

Глядя на этих любезных и обходительных людей, каждый из которых говорил обтекаемыми фразами и держал под спудом свои грандиозные планы, Каупервуд размышлял о том, как он сможет преуспеть в таком обществе. Ему предстояло решить трудную задачу. Никто из этих людей, дружелюбных и открытых в разговорах на общие темы, не знал о том, что он лишь недавно вышел из тюрьмы. Насколько сильно такое знание повлияло бы на их отношение к нему? Никто из них не подозревал, что хотя Каупервуд был женат и имел двоих детей, она собирался развестись с женой и жениться на девушке, которую выбрал на роль своей бывшей избранницы.

– Вы серьезно подумываете о том, чтобы посетить северо-западные штаты? – заинтересованно спросил мистер Рэмбо ближе к концу ленча.

– Таков мой нынешний план после такого, как я закончу дела здесь.

– Тогда разрешите познакомить вас с компанией интересных людей, которые направляются вплоть до Фарго и Дулута. Большинство из них чикагцы, но есть и жители Восточных штатов. У нас заказан отдельный вагон, который отправляется в четверг, и я буду рад, если вы присоединитесь к нам. Сам я еду до Миннеаполиса.

Каупервуд поблагодарил его и принял предложение. Затем последовал долгий разговор о Северо-Западе: о его древесине и пшенице, продаже земли и скота и о возможности строительства промышленных предприятий.

Городское и финансовое развитие Фарго, Миннеаполиса и Дулута было главной темой беседы. Мистер Рэмбо, управлявший разветвленной сетью железных дорог в этом регионе, естественным образом был уверен в его будущем. Каупервуд почти инстинктивно улавливал суть вопроса. Его интересовали главным образом трамвайные линии, газовое освещение, банки и земельные сделки.

В конце концов он покинул клуб, сославшись на другие деловые встречи, но некая часть его личности продолжала витать в воздухе. Мистер Эддисон и мистер Рэмбо, наряду с другими, были искренне убеждены в том, что он был одним из самых интересных людей, с которыми они встречались за последние годы. И при этом он почти ничего не говорил, – только слушал.

Глава 3

Вечер в Чикаго

После первого визита в банк Эддисона и неформального ужина в его доме Каупервуд решил, что больше не собирается скрывать свое прошлое от этого человека. Эддисон был влиятельным банкиром и обладал большими связями. Кроме того, он нравился Каупервуду. Убедившись в том, что Эддисон хорошо расположен к нему, если не очарован его личностью, он нанес банкиру ранний утренний визит через два дня после возвращения из Фарго, куда он направился по предложению мистера Рэмбо. Он решил добровольно поведать о своих былых злоключениях, доверившись тому, что интерес со стороны Эддисона поможет ему вынести благожелательное суждение. Поэтому он подробно рассказал о том, как был осужден за формальную растрату в Филадельфии и отбыл срок в тюрьме Восточного округа. Кроме того, он упомянул о своем предстоящем разводе и намерении снова вступить в брак.

Эддисон, обладавший более слабым характером, тем не менее был по-своему волевым человеком, и мужественная позиция Каупервуда восхитила его. Это был более смелый поступок, чем он мог бы себе позволить, вызвавший к его драматическому восприятию. Человек, волею судьбы оказавшийся ни с чем и погрязший в трясине, нашел в себе силы начать все сначала с прежней энергией и целеустремленностью. Банкир знал многих весьма уважаемых людей в Чикаго, чья ранняя карьера при тщательном изучении не выдерживала никакой критики, но никто не беспокоился по этому поводу. Некоторые из них принадлежали к высшему обществу, другие нет, но все они были достаточно могущественными. Так почему же Каупервуд не заслуживал достойного места среди них? Он внимательно наблюдал за глазами Каупервуда, за его плавными движениями и красивым лицом с щеточкой усов. Потом он протянул руку.

– Мистер Каупервуд, – произнес он, стараясь найти подходящие слова. – Не стоит и говорить, как я рад этому интересному признанию. Оно мне нравится, и я вдвойне рад, что вы решили обратиться ко мне. Вам больше не нужно когда-либо упоминать об этом. В тот день, когда вы вошли сюда, то показались мне выдающимся человеком; теперь я знаю это. Нет никакой нужды извиняться передо мной. Я не прожил бы в этом мире больше пятидесяти лет, если бы не приходилось пускать в ход клыки. Пока это будет вас устраивать, вы будете желанным клиентом моего банка и желанным гостем в моем доме. Мы будем обсуждать планы в зависимости от будущих обстоятельств. Мне бы хотелось, чтобы вы приехали в Чикаго исключительно потому, что вы мне нравитесь. Уверен, что если вы решите поселиться здесь, то мы сможем быть полезны друг другу. Забудьте об этом разговоре; я так или иначе никому не расскажу о нем. Вам предстоит вести свою битву, и я желаю вам удачи. Можете рассчитывать на любую поддержку с моей стороны, а когда вы разберетесь со своими супружескими вопросами, приезжайте и познакомьте нас с вашей женой.

Покончив с делами, Каупервуд сел в поезд, возвращавшийся в Филадельфию.

– Эйлин, – сказал он, когда они встретились на перроне, куда она вышла встретить его, – думаю, что Запад – это лучшее решение для нас. Я доехал до Фарго и осмотрелся там, но не думаю, что мы захотим отправляться так далеко. Там нет ничего, кроме индейцев и дикой прерии. Как бы тебе понравилось жить в дощатой хижине, Эйлин? – шутливо спросил он. – Ты стала бы кушать на завтрак жареных гремучих змей и луговых собачек? Как думаешь, смогла бы ты это выдержать?

– Да, – радостно ответила она и взяла его под руку, когда они сели в закрытый экипаж. – Я смогла бы это выдержать, если ты можешь. Я готова отправиться с тобой куда угодно, Фрэнк.

Там я достала бы себе красивое индейское платье, расшитое кожей и бусами, и шапку из перьев, какие они носят, и еще...

– Вот оно что! Ну конечно! Прежде всего в хижине рудокопа нужна красивая одежда.

– Ты бы не стал долго любить меня, если бы я прежде всего не носила красивую одежду, – с жаром возразила она. – Ох, как же я рада, что ты вернулся!

– Трудность в том, что эти края не такие многообещающие, как Чикаго, – продолжал он. – Думаю, нам все-таки суждено жить в Чикаго. Я сделал кое-какие капиталовложения в Фарго, и мы будем время от времени приезжать туда, но в конце концов поселимся в Чикаго. Я больше не хочу отправляться туда один; это неприятно для меня, – он сжал ее руку. – Если мы не сможем быстро организовать свадьбу, то мне придется какое-то время представлять тебя в качестве моей жены.

– Ты не получал никаких новых известий от мистера Стэджера? – вставила Эйлин. Она думала о попытках Стэджера получить разрешение на развод у миссис Каупервуд.

– Ни слова.

– Очень жаль, – вздохнула она.

– Не грусти. Дела могли обернуться еще хуже.

Было бы пустой тратой времени представить нечто большее, чем короткий очерк последующих трех лет, в течение которых произошли разнообразные перемены, включая окончательный отъезд Каупервуда из Филадельфии и его водворение в Чикаго. В первое время это были не более чем поездки туда и обратно, сначала в Чикаго, а потом и в Фарго, где его доверенный секретарь Уолтер Уэлпли под его руководством управлял сооружением делового квартала Фарго, короткой линии конного трамвая и ярмарочной площади. Любопытное учреждение, основанное Фрэнком А. Каупервудом в качестве президента, называлось «Строительно-транспортной компанией Фарго». Харпер Стэджер, его бывший адвокат и юрист из Филадельфии, отвечал за составление контрактов.

Еще какое-то время Каупервуд жил в чикагском отеле «Тремонт», из-за общества Эйлин до поры избегая деловых встреч с влиятельными людьми, с которыми он познакомился во время первого визита. Тем временем он исподволь разбирался в делах брокерских контор Чикаго с целью заключить партнерское соглашение с каким-нибудь опытным, но не слишком честолюбивым брокером, который сможет познакомить его с особенностями, персонажами и коммерческими предприятиями Чикагской фондовой биржи. Однажды он взял Эйлин с собой в Фарго, где она с высокомерным и скучающе-безразличным видом обозревала растущий город.

– Ох, Фрэнк! – воскликнула она, когда увидела деревянную четырехэтажную гостиницу и длинную неказистую улицу в деловом квартале с пестрым собранием кирпичных и дровяных складов и зияющими провалами между полосками домов, в большинстве случаев выходивших на грунтовые дороги. Эйлин, в заказном дорожном костюме с иголки, с ее напряженной бодростью, тщеславием и склонностью к чрезмерному приукрашиванию, являла собой странный контраст по сравнению со сдержанными манерами, неброской одеждой и безразличием к собственной красоте, отличавшей большинство мужчин и женщин этого молодого города. – Ты же не мог всерьез думать, что мы будем жить здесь, правда?

Эйлин гадала, когда же ей представится возможность завести светские знакомства и засиять в полную силу. Предположим, ее Фрэнк станет очень богатым и заработает очень много денег, – даже гораздо больше, чем в прошлом, – какую пользу это принесет ей здесь? До его банкротства в Филадельфии и еще до того, как ее заподозрили в тайной связи с ним, он наконец-то стал жить на широкую ногу и начал устраивать блестящие приемы. Если бы она тогда была его женой, то без труда вписалась бы в высшие круги филадельфийского общества. Но здесь... Боже милосердный! Она с отвращением вздернула носик.

– Что за жуткое место!

Таково было ее единственное мнение о самом энергичном и быстро растущем городе на северо-западе США.

Но когда речь шла о Чикаго с его кипучей и бьющей через край жизнью, Эйлин совершенно преображалась. Помимо решения множества финансовых вопросов, Каупервуд следил за тем, чтобы она не чувствовала себя одинокой. Он предложил ей делать покупки в местных магазинах и рассказывать ему о них, чем она с энтузиазмом и занималась, разъезжая в открытой коляске в привлекательных нарядах и в большой коричневой шляпе, выгодно оттенявший ее матовое лицо с розовыми щеками и рыжевато-золотистые волосы. Когда Эйлин впервые довелось увидеть просторную красоту Прери-авеню, Норт-Шор-драйв, Мичиган-авеню и новые особняки на Эшленд-бульвар, окруженные зелеными лужайками, то надежды, устремления и привкус будущего Чикаго взыграли в ее крови точно так же, как раньше у Каупервуда. Все эти богатые дома также были совершенно новыми, а великие люди Чикаго лишь недавно стали богачами, как и они сами. Она забыла, что до сих пор еще не была женой Каупервуда, потому что чувствовала себя его настоящей супругой. Улицы, большей частью с тротуарами из кремово-бурого плитняка и окаймленные молодыми, недавно высаженными деревьями, лужайки с ровной зеленой травой, окна домов с яркими маркизами и кружевными занавесками, колыхавшимися от июньского ветерка, постовые с серым и скрипучим щебеночным покрытием, – все это будоражило ее воображение. Во время поездки они обогнули озеро по Норт-Шор-драйв, и Эйлин, созерцавшая голубовато-зеленые воды, далекие паруса, парящих чаек и новые яркие дома, прониклась уверенностью, что однажды она будет хозяйкой одного из этих великолепных особняков. Как надменно она будет держаться, как красиво она будет одеваться! У них будет роскошный дом, – без сомнения, гораздо лучше, чем старый дом Фрэнка в Филадельфии, – с огромным балльным залом и просторной столовой, где она сможет устраивать танцы и давать званые ужины, и где их с Фрэнком будут принимать как равных с новоиспеченными чикагскими богачами.

– Как ты думаешь, Фрэнк, у нас будет такой же замечательный дом, как эти? – с деланной тоской в голосе спросила она.

– Я расскажу тебе, в чем состоит мой план – сказал он. – Если тебе нравится эта часть Мичиган-авеню, мы купим здесь земельный участок и придержим его. Как только я обзаведусь необходимыми связями и позабочусь о будущем, то мы построим по-настоящему красивый дом. Не беспокойся, мне нужно только уладить вопрос с разводом, а потом мы приступим. Тем временем, если мы собираемся переехать сюда, то пока лучше жить, не привлекая особого внимания. Ты согласна?

Дело было около шести вечера, и летний день являл прекрасное зрелище. Было еще очень тепло, но дневной зной шел на убыль, тень от линии домов на западе падала на мостовую, и плотный воздух пьянил, как вино. Насколько мог видеть глаз, вокруг были конные экипажи, – единственное крупное развлечение для высшего света в Чикаго, где до сих пор было еще мало возможностей иным способом продемонстрировать свое богатство. Сюда торопились домой из города, из офисов и мануфактур, все искатели почета и богатства, ибо эта была единственная южная магистраль, Аппиева дорога чикагского Саутсайда. Общественные классы и сословия еще не выстроились в четком порядке. Звякающая упряжь из никелированного железа, серебра и даже накладного золота была видимым признаком степени успеха или надежды на успех. Состоятельные мужчины, лишь формально знакомые по вопросам бизнеса и торговли, с важным видом кивали друг другу. Нарядные дочери, культурные сыновья и очаровательные жены ехали в центр города на рессорных двуколках, в фаэтонах, каретах и новомодных экипажах, чтобы отвезти домой усталых после работы отцов, братьев, родственников или друзей. Воздух трепетал от невысказанных обещаний, юных надежд и той безмятежной радости, которая порождается безбедной жизнью. Статные, грациозные и хорошо откормленные животные

в одиночку и парами шагали друг за другом по длинной широкой улице с травяными газонами а красивые, богато украшенные дома придавали ей успокоительную материальность.

– Ох! – воскликнула Эйлин, когда увидела энергичных и сноровистых мужчин, цветущих дам, юных девушек и подростков, кивавших и церемонно раскланивавшихся друг с другом. Это романтическое зрелище восхитило ее. – Как мне нравится жить в Чикаго! Думаю, здесь лучше и приятнее, чем в Филадельфии.

Каупервуд, который так низко пал в своем родном городе, несмотря на огромные способности, стиснул зубы и выпятил челюсть. Его отросшие усы в этот момент приобрели особенно вызывающий изгиб. Пара гнедых, которой он правил, была физически совершенным: сухощавые и нервные лошади с холеными, словно капризными мордами. Он правил как истинный знаток, сидя с выпрямленной спиной; его собственная энергия и темперамент подгоняли животных. Очень гордая, Эйлин уселась рядом с ним и тоже сознательно выпрямилась.

– Разве она не красавица? – заметила одна из женщин, проезжавших навстречу.

«Что за потрясающая девица!» – думали или говорили вслух многие мужчины.

– Ты ее видела? – громко спросил младший брат у своей сестры.

– Не обращай внимания, Эйлин, – произнес Каупервуд с железной решимостью, не признающей поражения. – Скоро мы будем частью всего этого. Не нервничай. Ты получишь в Чикаго все, чего только хочешь, и даже больше.

Нервная дрожь, пробежавшая по его пальцам, передалась лошадям через поводья, – та загадочная вибрация, которая была свойством его организма, разряд его психической батареи, – и заставила их пританцовывать, как жеребят. Они тихонько заржали и замотали головами. Эйлин едва не лопалась от надежды, тщеславия и душевного томления. О, каково быть миссис Фрэнк Алджернон Каупервуд здесь, в Чикаго, иметь великолепный особняк, и рассылать пригласительные открытки почти как приказы, которые нельзя оставлять без внимания!

«О, Боже, – она мысленно вздохнула. – Если бы только все сбылось уже сейчас!»

Так жизнь, даже в пору наивысшего расцвета, все равно досаждала людям и терзает их. За вершиной всегда есть что-то недостижимое, соблазн бесконечности с ее бесконечным томлением.

О, годы юности, надежды и дерзаний!

О, страх, летящий на крылах мечтаний!

Глава 4

«Питер Лафлин и К^о»

Партнерские отношения, которые в конце концов сложились у Каупервуда с маклером товарной биржи Питером Лафлином, совершенно удовлетворяли его. Лафлин был высоким, костлявым биржевиком, который провел большую часть жизни в Чикаго, приехав туда подростком из западного Миссури. Он представлял собой типичного маклера старой школы с лицом Эндрю Джексона⁴ и телосложением Генри Клея, Дэви Крокета или «Длинного Джона» Уэнтворта.⁵

Каупервуда с ранней юности интересовали колоритные персонажи, да и они испытывали интерес к нему. Если немного потрудиться, он мог подстроить свое восприятие мира под психологию практически любого человека. Во времена своих первых блужданий по Ласаль-стрит⁶ он наводил справки о смышленных биржевых трейдерах и давал советчикам небольшие комиссионные за знакомство. Так однажды утром он познакомился с Питером Лафлином, который торговал пшеницей и кукурузой на товарной бирже, имел офис на Ласаль-стрит рядом с Мэддисон-авеню и вел скромную биржевую игру акциями зерновых и восточных железнодорожных компаний для себя и своих клиентов. Лафлин был проницательным и осторожным американцем, вероятно, шотландского происхождения, обладавшим всеми традиционными американскими недостатками, такими как неряшливость, привычка к жевательному табаку, сквернословие и другие мелкие пороки. Судя по его виду, Каупервуд почти не сомневался, что у него есть досье на каждого из более или менее значительных уроженцев Чикаго, и это само по себе представляло большую ценность. Кроме того, старик был откровенным, прямолинейным, непритязательным и совершенно не амбициозным, то есть обладал качествами, поистине бесценными для Каупервуда.

Один или два раза за последние три года Лафлин крупно погорел на частных «корнерах»,⁷ которые пытался подстроить, и ходили слухи о том, что теперь он стал чересчур осторожным, иными словами, боязливым. Поэтому однажды утром Каупервуд пришел к нему с намерением открыть небольшой брокерский счет в его конторе.

– Генри, – услышал он голос старика, обращавшийся к молодому, не по годам серьезному клерку, когда вошел в просторный, но довольно пыльный офис Лафлина. – Раздобудь мне бумаг «Питтсбурга и озера Эри», ладно? – увидев ожидавшего в прихожей Каупервуда, маклер добавил: – Чем могу быть полезен?

Каупервуд улыбнулся.

«Значит, он называет акции «бумагами», не так ли? – подумал он. – Хорошо! Думаю, мы с ним столкнемся».

Он представился бизнесменом из Филадельфии и поведал о своем интересе к разнообразным чикагским предприятиям; о своем намерении инвестировать в любые хорошие акции с потенциалом роста и особым желанием вложиться в какие-либо публичные корпоративные бумаги, которые безусловно будут повышаться в цене по мере расширения и развития города.

– Ну что же, если бы вы появились здесь лет десять-пятнадцать назад, то нашли бы на земле много полезных вещей, – заметил Лафлин. – Тут были газовые компании, пока Отуэй

⁴ Эндрю Джексон (1767–1845) – седьмой президент США, один из основателей Демократической партии (*прим. пер.*).

⁵ Генри Клей (1777–1852) – американский юрист, политик и государственный деятель. Дэви Крокетт (1786–1836) – американский офицер и политик, фольклорный персонаж в США. Джон Уэнтворт (1807–1865) – мэр Чикаго, известный борьбой с местными бандами (*прим. пер.*).

⁶ Ласаль-стрит – главная торговая улица Чикаго в описываемое время (*прим. пер.*).

⁷ «Корнер» – скупка ценных бумаг на вторичном рынке со спекулятивными целями (*прим. пер.*).

и Апперсон не прибрали их к рукам, а потом все эти конные трамваи. Я был тем, кто втолковал Эдди Паркинсону, как будет здорово, если он сможет организовать Линию Норт-Стейт-стрит. Он пообещал мне кучу бумаг своей компании, если дело выгорит, но так и не сдержал обещание. Впрочем, я и не ожидал этого, – благоразумно заметил он и блеснул глазами. – Я слишком давно работаю на бирже. Так или иначе, он больше не при делах. Михоэлс и Кеннели ободрали его, как липку. Да, если бы вы были здесь десять-пятнадцать лет назад, то могли бы войти в долю. Впрочем, теперь без толку даже думать об этом. Их бумаги торгуются почти по сто шестьдесят за штуку.

Каупервуд улыбнулся.

– Хорошо, мистер Лафлин, – сказал он. – Насколько я понял, вы уже давно ведете дела на бирже и много знаете о том, что здесь происходило в прошлом.

– Да, с 1852 года, – ответил старик. Густая поросль его вздыбленных волос напоминала петушиный гребень, длинный выдающийся подбородок наводил на мысли о Панче и Джуди, а слегка крючковатый нос и высокие скулы контрастировали со впалыми смуглыми щеками. Его глаза были ясными и пронзительными, как у рыси.

– По правде говоря, мистер Лафлин, я приехал в Чикаго, чтобы найти человека, который мог бы стать моим партнером в брокерском бизнесе, – продолжил Каупервуд. – Я сам занимаюсь банковским и брокерским делом в Восточных штатах. У меня есть фирма в Филадельфии и оплаченные места на нью-йоркской и филадельфийской бирже. Я также веду некоторые изыскания в Фарго. Вы можете найти сведения обо мне в любом торговом агентстве. У вас есть место на Чикагской товарной бирже, и без сомнения, вы проводите некоторые сделки на биржах в Нью-Йорке и Филадельфии. Если вы пожелаете присоединиться ко мне, то новая фирма сможет непосредственно заниматься всеми делами. Сам я могу оказывать эффективную помощь извне. Я подумываю о том, чтобы постоянно обосноваться в Чикаго. Что вы скажете насчет предложения организовать совместный бизнес? Как думаете, мы сможем поладить в одном офисе?

Когда Каупервуд хотел кому-то понравиться, у него была привычка складывать ладони и постукивать кончиками пальцев, один за другим. При этом он улыбался, – или, вернее, сиял улыбкой, а его глаза лучились теплым и притягательным, почти гипнотическим светом.

Случилось так, что старый Питер Лафлин подошел к тому переломному моменту, когда ему хотелось получить благоприятную возможность. Он был одиноким человеком, который так и не смог вверить свой изменчивый темперамент в руки любой женщины. По сути дела, он вообще никогда не понимал женщин, и его отношения с ними ограничивались безнравственными связями самого дешевого толка, которые можно было получить только за деньги, та и то с неохотой. Он жил в трех небольших комнатах на Вест-Харрисон-стрит возле театра «Троуп», где иногда сам готовил себе еду. Его единственным спутником был маленький спаниель, добродушная и ласковая сучка по кличке Дженни, с которой он спал. Дженни была послушной и любящей подругой, терпеливо ожидавшей в его кабинете до тех пор, пока он не собирался домой по вечерам. Он разговаривал с собакой, как с человеком (наверное, даже более откровенно), и принимал за ответы ее взгляды, движения и виляние хвостом. Просыпаясь поутру, часто не позже половины пятого, – стариковский сон короток, – он первым делом натягивал штаны, так как редко принимал водные процедуры, не считая парикмахерской в центре города, и обращался к Дженни.

– Пора вставать, Дженни, – говорил он. – Время просыпаться. Сейчас мы заварим кофе и приготовим какой-никакой завтрак. Я же вижу, как ты делаешь вид, будто дрыхнешь. Давай же! Ты достаточно поспала, не меньше меня.

Дженни любовно наблюдала за ним краешком глаза, ее хвост постукивал по кровати, свободное ухо приподнималось и опадало.

Когда Лафлин был полностью одет, споласкивал лицо и руки, повязывал старый галстук-ленточку удобным скользящим узлом и зачесывал волосы назад, Дженни вставала и принималась демонстративно скакать вокруг, словно говоря: «Видишь, как скоро я собираюсь?»

– То-то и оно, – приговаривал Лафлин. – Ты всегда опаздываешь. Не хочешь встать первой, да, Дженни? Хочешь, чтобы твой старик опережал тебя, верно?

В морозные дни, когда колеса экипажей скрипели по снегу, а уши и пальцы подвергались угрозе обморожения, старый Лафлин, облаченный в тяжелое пыльное пальто старинной выделки и шапку-ушанку, отвозил Дженни в свою контору в черно-зеленой сумке вместе со своими любимыми «бумагами», о судьбе которых он размышлял в последнее время. Лишь тогда он мог взять Дженни в вагон конки. В другие дни они прогуливались, потому что ему нравились физические упражнения. Он приходил в свою контору в половине восьмого или в восемь утра, хотя дела обычно начинались после девяти, и обычно оставался на работе до половины пятого или до пяти вечера, читая газеты или занимаясь расчетами, пока не было клиентов. Потом он выгуливал Дженни или наносил визит кому-либо из своих коллег по бизнесу. Домашняя обстановка, биржевой зал, его контора и соседние улицы были его единственной опорой. Он был безразличен ко всему, включая театр, музыку, книги, живопись и даже женщин в своей однобокой, психически ущербной манере. Его ограниченность была настолько явной, что для любителей характерных ролей вроде Каупервуда он был настоящей находкой. Но Каупервуд лишь пользовался характерными актерами и не задерживался на них подолгу в своих художественных замыслах.

Как и предполагал Каупервуд, неведомые старому Лафлину сведения о чикагских финансовых аферах, сделках, возможностях и личностях едва ли заслуживали внимания. Будучи по натуре лишь биржевым трейдером, а не руководителем или организатором, он так и не смог с пользой приложить свои немалые познания. Он с равной невозмутимостью воспринимал свои утраты и приобретения. Когда он терял деньги, то восклицал: «Чушь! Я не должен был этого делать!» и щелкал пальцами. Когда он много зарабатывал или проводил выгодную операцию, то жевал табак с ангельской улыбкой и иногда восклицал во время торговой сессии: «Присоединяйтесь, ребята, скоро прольется дождик!» Его нелегко было вовлечь в мелкую игру, и он терял или выигрывал только в открытой рыночной борьбе, либо при осуществлении своих мелких хитроумных задумок.

Вопрос о партнерстве решился не сразу, хотя это заняло немного времени. Старый Питер Лафлин захотел подумать, хотя Каупервуд сразу же расположил его к себе. День за днем они встречались, обсуждая всевозможные мелочи и условия, но наконец, верный своей интуиции, Питер потребовал для себя равную долю в бизнесе.

– Полно вам, Лафлин, это слишком много, – невозмутимо произнес Каупервуд. Они сидели в кабинете Лафлина где-то в половине пятого, и маклер жевал табак с предвкушением чего-то интересного и многообещающего. – У меня есть брокерское место на Нью-Йоркской фондовой бирже, которое стоит сорок тысяч долларов, – продолжал он. – Мое брокерское место на Филадельфийской бирже и то стоит дороже вашего. И то, и другое образует основной актив фирмы. Она будет носить ваше имя. Как бы то ни было, я готов щедро поступить с вами. Вместо одной трети, что было бы справедливо, я отдам вам сорок девять процентов, и мы назовем фирму «Питер Лафлин и К°». Вы мне нравитесь, и думаю, вы сможете принести немалую пользу. Я знаю, что с моей помощью вы сможете заработать гораздо больше, чем в одиночку. Конечно, я мог бы обратиться к любому из этих парней в шелковых чулочках, но мне как-то не хочется. Лучше решить сейчас, и мы приступим к делу.

Старый Лафлин был безмерно рад, что Каупервуд выразил желание сотрудничать с ним. В последнее время до него стало доходить, что все молодые и лошечные новички на бирже считают его дряхлым чудаком. А теперь смелый, напористый бизнесмен из Восточных штатов на двадцать лет моложе его и такой же хитроумный, как он, – даже более того, как опасался

Лафлин, – с ходу предложил ему деловое партнерство. Кроме того Каупервуд со своим молодым, динамичным и здравомыслящим подходом был подобен дуновению весеннего ветра.

– Меня не особенно волнует имя, – ответил Лафлин. – Можете оформить, как вам угодно; пятьдесят один процент все равно дает вам контроль над фирмой. Ну ладно, не буду спорить. Надо думать, я своего не упущу.

– Значит, договорились, – сказал Каупервуд. – Вам не кажется, Лафлин, что нам понадобится новый офис? Здесь как-то темновато.

– Поступайте, как хотите, мистер Каупервуд. Мне все равно, но буду рад посмотреть, что у вас получится.

Все технические детали были улажены за неделю, а через две недели вывеска «Питер Лафлин и К°, зерновая и комиссионная компания» появилась над дверью просторных, со вкусом обставленных апартаментов на первом этаже дома на углу Ласаль-стрит и МЭддисон-авеню, в самом центре финансового квартала Чикаго.

– Ты в курсе, что произошло со старым Лафлином? – обратился один брокер к другому, когда они прошли мимо новой шикарной комиссионной конторы с зеркальными окнами и осмотрели богато изукрашенную бронзовую табличку на двери в углу здания. – Что ему взбрело в голову? Я думал, он практически отошел от дел. Что это за фирма?

– Не знаю. Думаю, какой-то богач с Востока взял его в партнеры.

– Тогда его дела определенно пошли в гору. Только посмотри на эти зеркальные окна! Так началась финансовая карьера Фрэнка Алджернона Каупервуда в Чикаго.

Глава 5

О семейных делах

Если кто-то воображает, что этот коммерческий ход со стороны Каупервуда был поспешным или непродуманным, то он имеет слабое представление о проницательном и многостороннем разуме этого человека. Его представления о жизни и власти (закаленные и отточенные за тринадцать месяцев размышлений в тюрьме Восточного округа) определили его жесткую стратегию. Он может, должен и будет властвовать единолично. Ни один человек больше не сможет предъявить требования к нему, разве что в роли просителя. Теперь он отвергал опасные махинации вроде той, которую он провернул со Стинером, – человеком, из-за которого он так много потерял в Филадельфии. По праву коммерческого таланта, мужества и решимости он должен быть первым, и он докажет это. Люди будут вращаться вокруг него, как планеты вокруг солнца.

С тех пор, как Каупервуд впал в немилость в Филадельфии, он пришел к выводу, что больше не будет питать надежд на теплый прием в так называемых высших кругах города. Время от времени размышляя об этом, он осознал, что его будущие союзники, по всей вероятности, будут принадлежать не к числу богатых и влиятельных людей, – клановых и снобистских элементов общества, – но к числу начинающих и коммерчески одаренных сильных людей, которые поднялись с самого дна и с самого начала не имели надежды быть принятыми в светском обществе. Таких людей было много. Если благодаря удаче и личным усилиям он стал достаточно могущественным в финансовом отношении, то мог диктовать свои правила. Индивидуалист и даже анархист по характеру без малейшего представления о подлинной демократии, он тем не менее сочувственно относился к народным массам, хотя и не принадлежал к простонародью, и лучше понимал их нужды и чаяния. Возможно, это отчасти объясняло его желание связаться с таким простодушным и эксцентричным человеком, как Питер Лафлин. Он выбрал его так, как хирург выбирает особый скальпель или инструмент для операции, и несмотря на жизненный опыт старого Лафлина, он был обречен стать орудием в сильных руках Каупервуда, энергичным и пронырливым гонцом, готовым принимать распоряжения от гораздо более мощного и расчетливого ума. Пока что Каупервуд довольствовался проведением сделок через фирму под названием «Питер Лафлин и К°». В сущности, такой вариант был предпочтительным, поскольку так он мог действовать почти незаметно, не привлекая нежелательного внимания, и постепенно разработать несколько операций, с помощью которых он надеялся прочно обеспечить свое финансовое будущее в Чикаго.

Поскольку важнейшим предварительным условием социального и материального обустройства Каупервуда и Эйлин в Чикаго был его развод с женой, его юрист Харпер Стэджер прилагал все силы с тому, чтобы завоевать доверие миссис Каупервуд, которая доверяла адвокатам не больше, чем своему строптивому мужу. Теперь она стала высокой, суровой и довольно некрасивой женщиной, но сохранила следы того пассивного очарования, которое некогда привлекло Каупервуда. В уголках ее глаз, носа и губ залегли глубокие морщинки. Она выглядела отчужденной, подавленной, ушедшей в себя и даже немного оскорбленной.

Стэджер, похожий на крупного кота и обладавший вкрадчивой, рассудительной манерой речи, был идеальным кандидатом для переговоров с ней. Его учтивое хитроумие и гибкая предприимчивость могли творить чудеса. Он мог бы начертать на своем гербе девиз «Говори тихи, ступай мягко».

– Моя дорогая миссис Каупервуд, – произнес он, сидя в ее скромной гостиной весенним вечером, – мне не нужно объяснять, каким выдающимся человеком является ваш муж, и как бесполезно воевать с ним. Даже признавая его недостатки, – а мы можем согласиться, что они весьма многочисленны, – не стоит пытаться строго призвать его к ответу.

Миссис Каупервуд раздраженно заерзала, и Стэджер всплеснул тонкими женственными руками в уничижительном жесте.

– Вы знаете, какой характер у мистера Каупервуда, и насколько он поддается принуждению. Он необыкновенный человек, миссис Каупервуд. Никакой обычный человек не смог бы пройти через то, что ему пришлось вытерпеть, и подняться до своего нынешнего положения. Если вы прислушаетесь к моему совету, то позволите ему идти своим путем. Дайте ему развод. Он готов и даже стремится обеспечить достойное обеспечение для вас и ваших детей. Я уверен, что он щедро позаботится о вашем будущем. Но ему все более неприятно ваше нежелание дать ему законное право на развод, и я сильно опасюсь, что дело дойдет до суда. Если до того, как это случится, я смогу прийти к разумному и удовлетворительному соглашению с вами, то буду чрезвычайно рад. Как вы понимаете, я глубоко огорчен текущим состоянием ваших дел. Мне очень жаль, что так получилось.

Мистер Стэджер со скорбным и огорченным видом возвел очи горе. Он чрезвычайно сожалел об изменчивых веяниях этого бурного мира.

Миссис Каупервуд в пятнадцатый или двадцатый раз выслушала его речь до предела своего терпения. Каупервуд не вернется. Стэджер был таким же проводником ее интересов, как и любой другой адвокат. Кроме того, он был безукоризненно вежлив с ней. Несмотря на его двуличное ремесло, она наполовину верила ему. Он тактично перечислил десяток дополнительных выигрышных пунктов. Наконец, во время двадцать первого визита, он сообщил, что ее муж решил разорвать финансовые отношения с ней, больше не оплачивать счета и не делать ничего, пока мера его ответственности не будет определена судом. В таком случае он, Стэджер, будет вынужден отстраниться от этого дела. Миссис Каупервуд почувствовала, что должна уступить, и выдвинула свой ультиматум. Если он обеспечит двести тысяч долларов для нее и детей (таково было предложение самого Каупервуда), а впоследствии окажет финансовое содействие их единственному сыну Фрэнку-младшему, то она даст согласие на развод. Ей не нравилось это решение. Она понимала, что это означает триумф для Эйлин Батлер, но в конце концов, эту стерву как следует опозорили в Филадельфии, и теперь ей не найдется места в любом приличном обществе. Поэтому миссис Каупервуд согласилась подписать заявление, составленное Стэджером от ее имени. Благодаря махинациям этого вкрадчивого джентльмена оно наконец поступило в местный суд с наименьшей возможно оглаской. Лишь в трех филадельфийских газетах примерно через полтора месяца было опубликовано крошечное объявление о разводе. Когда миссис Каупервуд прочитала его, она сильно удивилась, что дело привлекло так мало внимания; она опасалась гораздо более развернутых комментариев. Ей было невдомек, какие хитрые уловки в общении с судебными служащими и газетчиками использовал юридический советник ее бывшего мужа.

Когда Каупервуд прочитал объявление во время одного из своих визитов в Чикаго, он облегченно вздохнул. Его желание наконец-то сбылось. Теперь он мог жениться на Эйлин. Он послал ей телеграмму с загадочным поздравлением; ознакомившись с ней, Эйлин затрепетала от радости. Скоро она станет законной супругой Фрэнка Алджернона Каупервуда, новоиспеченного чикагского финансиста, и тогда...

– Как замечательно! – воскликнула она, читая телеграмму у себя дома в Филадельфии. – Теперь я стану миссис Каупервуд. Боже ты мой!

Предыдущая миссис Фрэнк Алджернон Каупервуд, размышлявшая о его неверности, банкротстве, заключении, пиротехнических операциях во время краха банкирской империи Джея Кука и о его нынешнем финансовом подъеме, задавалась вопросом о таинстве жизни. Бог должен существовать: так сказано в Библии. Ее муж, несмотря на грех супружеской измены, не мог быть совершенно дурным человеком, поскольку он щедро обеспечил ее, а дети любили его. Безусловно, во время уголовного преследования он был не хуже некоторых других людей, которые избежали наказания и остались на свободе. Однако его осудили, и она всегда сожалела

об этом. Он был способным и безжалостным человеком. Теперь она не знала, что и думать. Единственным человеком, на которого она возлагала вину, была злобная, тщеславная, легкомысленная и нечестивая Эйлин Батлер, которая соблазнила его, и теперь, возможно, станет его женой. Без сомнения, Бог покарает ее. Он должен это сделать. Поэтому она ходила в церковь по воскресеньям и пыталась верить, что как бы то ни было, все сложится к лучшему.

Глава 6

Новая царица

В день свадьбы Каупервуда и Эйлин, – это произошло в малоизвестном городке Далстон неподалеку от Питтсбурга в западной Пенсильвании, где они остановились ради этого события, – он сказал ей:

– Дорогая, я хочу тебе сказать, что мы с тобой действительно начинаем жить заново. Если ты прислушаешься ко мне, то какое-то время мы не будем особенно выходить в свет в Чикаго. Разумеется, мы будем встречаться с некоторыми людьми; этого нельзя избежать. Мистер и миссис Эддисон не терпят познакомиться с тобой, и я уже слишком долго откладывал ваше знакомство. Но я хочу сказать, что сейчас еще неблагоприятно ходить на приемы и устраивать званые ужины. В противном случае люди неизбежно станут наводить справки. Я собираюсь еще немного подождать, а потом построить такой прекрасный дом, который нам уже не придется перестраивать. Если дела пойдут как следует, следующей весной мы отправимся в Европу, где можно будет поискать хорошие идеи. Я собираюсь устроить большую художественную галерею, – пояснил он. – Во время путешествия мы можем присмотреть кое-какие картины, и так далее.

Эйлин трепетала от радостного предвкушения.

– Ах, Фрэнк, ты такой чудесный! – восторженно обратилась она к нему. – Ты можешь сделать все, что хочешь, правда?

– Не совсем, – с укоризной ответил он. – Но не потому, что мне не хочется. Удача в таких делах тоже кое-что значит, Эйлин.

Она стояла перед ним, – как это часто бывало, – положив округлые руки ему на плечи и вглядываясь в невозмутимые, ясные озера его глаз. Другой человек, более нервный и мнительный, мог бы отвести взгляд, но он встречал запросы и сомнения этого мира с внешней открытостью, такой же обезоруживающей, как у ребенка. Правда состояла в том, что он верил в себя и только в себя, поэтому не страшился своих мыслей. Эйлин вопросительно посмотрела на него, но не получила ответа.

– Ты просто тигр, – сказала она. – Громадный лев! Шикарный зверюга!

Каупервуд легонько ущипнул ее за щеку и улыбнулся. «Бедняжка!» – подумал он. Он имел смутное представление о той неразрешимой загадке, которую он представлял даже для себя.

Вскоре после свадьбы, Каупервуд и Эйлин отправились в Чикаго и временно устроились в лучших апартаментах «Тремонта». Немного позже они узнали о сравнительно скромном меблированном доме на перекрестке Тридцать Третьей улицы и Мичиган-авеню, который сдавался в аренду на один или два года вместе с лошадьми и экипажами. Они сразу же поселились там, завели дворецкого, слуг и все остальные атрибуты респектабельного дома. Только из учтивости, а не потому, что на данном этапе он считал разумным или необходимым устраивать светские приемы, он пригласил туда Эддисонов и еще нескольких человек, явно склонных принять его приглашение: президента «Чикагской Северо-Западной компании» Александра Рэмбо вместе с женой и архитектора Тейлора Лорда, к которому он недавно обратился за консультацией и считал приемлемым гостем в своем доме. Лорд, как и Эддисоны, принадлежал к светскому обществу, но являлся незначительной фигурой.

Если Каупервуд брался за дело, то доводил его до конца. Они арендовали прелестный небольшой особняк из серого камня с гранитным крыльцом и балюстрадой в один лестничный пролет, ведущий к двери в широкой сводчатой выемке, а продуманное расположение цветных стекол обеспечивало художественно-неброскую атмосферу внутри дома. Со вкусом подо-

бранная мебель тоже была несомненной удачей. Заботу о званом ужине Каупервуд препоручил ресторатору и оформителю помещений, поэтому Эйлин оставалось только принарядиться наилучшим образом и ожидать гостей.

– Не стоит и говорить, милая, что сегодня вечером я хочу, чтобы ты выглядела блестяще, – сказал он. – Мне нужно, чтобы ты понравилась Эддисонам и мистеру Рэмбо.

Такого намека для Эйлин оказалось более чем достаточно, хотя на самом деле в нем не было надобности. По прибытии в Чикаго, она вскоре подыскала себе французскую горничную. Хотя она привезла много платьев из Филадельфии, у нее имелись дополнительные зимние наряды, подготовленные наилучшей и самой дорогой мастерицей швейного искусства в Чикаго, Терезой Донован. Лишь вчера ей доставили золотисто-желтое шелковое платье с богатой отделкой из зеленого кружева, необыкновенно гармонировавшее с ее рыжеватыми волосами, белоснежными руками и шеей. Ее вечерний будуар мог предоставить настоящее буйство шелков, атласа, кружев, дамского белья, духов, декоративных гребней и драгоценностей, – все, что могло внести полезный вклад в женское искусство прекрасной внешности. Пребывая в родовых муках композиции очередного вечернего туалета, Эйлин неизменно становилась энергичной и неутомимой, почти суетливой, так что ее горничной Фадетте приходилось быть особенно расторопной. Освеженная после ванны, словно ожившая Венера из слоновой кости, она быстро подобрала шелковое белье, чулки и туфли в тон волосам. У Фадетты была идея по поводу укладки волос. Желает ли мадам попробовать новый стиль прически? Да, мадам готова попробовать, – и вот, масса густых и блестящих золотистых прядей, передвигается в одну, потом в другую сторону. По какой-то причине это не годится. Тогда был испробован (и немедленно отвергнут) эффект косы, уложенной вокруг головы. Наконец, двойные локоны без плетения, низко сидевшие надо лбом и перехваченные двумя темно-зелеными лентами, которые перекрещивались в центре лба и были скреплены алмазной розеткой, смотрелись превосходно. Эйлин встала полупрозрачном пеньюаре из розового шелка с кружевной отделкой и изучила свое отражение в высоком трюмо.

– О, да, – произнесла она, поворачивая голову то влево, то вправо.

Затем наступил черед шуршащего и поблескивающего платья от Терезы Донован. Эйлин примерила его с некоторым сомнением, пока Фадетта хлопотала над спинкой, корсажем, плечами и вокруг колен, одну за другой внося необходимые поправки.

– О, мадам! – воскликнула она. – О, *charmant*! Идеально подходит к вашим волосам. А здесь такая чудесная полнота, – она указала на бедра, где кружева формировали облегчающую баску. – Очень, очень красиво!

Эйлин просияла, но не улыбнулась. Ее снедало беспокойство. Дело было не в ее вечернем туалете, обладавшем всеми мыслимыми достоинствами, но в том, что мистер Эддисон, – который, по словам Фрэнка, был очень богат и популярен в светском обществе, – а также влиятельный мистер Рэмбо должны были получить наилучшее впечатление от нее. Она должна заинтересовать этих людей умственно, а возможно, и физически, проявляя великосветские навыки, что было непросто. Несмотря на все деньги и удобства, которыми она пользовалась в Филадельфии, она никогда не вращалась в высших кругах общества и не устраивала действительно важных светских мероприятий. Фрэнк был самым значительным человеком, когда-либо встречавшимся на ее жизненном пути. Без сомнения, жена мистера Рэмбо была строгой и старомодной женщиной. Как она должна разговаривать с ней? А миссис Эддисон! Она должна все знать и все видеть. Пока Эйлин одевалась, то так усердно размышляла, что едва не принялась вслух утешать себя. Но она продолжила работу по нанесению финальных штрихов своей прекрасной внешности.

Когда Эйлин, наконец, спустилась по лестнице, чтобы оценить вид приемной и столовой, а Фадетта начала разбирать кучу отвергнутой одежды, то представляла собой лучезарное зрелище, – великолепную зелено-золотистую фигуру с роскошной прической, изящными глад-

кими руками цвета слоновой кости и пышными формами. Она чувствовала себя красавицей и в то же время немного нервничала, опасаясь критической оценки Фрэнка. Она заглянула в столовую, которая силой волшебного искусства ресторатора и оформителей была превращена в ювелирную шкатулку, разукрашенную цветами, серебром, золотом, витражными стеклами и снежной белизной скатертей и салфеток. Комната напоминала опал, переливающийся мягкими искрами. Она вошла в большую приемную залу, где стояло фортепиано с золотисто-розовой отделкой, где с должной заботой к своему единственному достижению, она расположила нотные записи для песен и инструментальных произведений, которые ей удавались лучше всего. По правде говоря, Эйлин не была блестящей пианисткой. Впервые в жизни она ощущала себя матроной, – не девушкой, но взрослой женщиной с серьезными обязательствами, – однако она еще не вполне приспособилась к этой роли. Ее мысли всегда были сосредоточены на художественных, светских и театральных аспектах жизни, что придавало ее мироощущению некую расплывчатость, не допускавшую сгущения в нечто более конкретное и определенное. Она жаждала лишь страстных и необузданных увлечений.

Было уже около шести вечера, но тут в замке звякнул ключ, и появился Фрэнк, улыбочивый, невозмутимый и как всегда уверенный в себе.

– Ну вот! – заметил он, созерцая ее в неярком свете настенных свечей, обрамлявших стены приемной залы. – Что за прелестное видение? Я почти боюсь прикоснуться к тебе. Сколько же пудры на этих руках?

Он привлек ее к себе, и она облегченно подставила губы для поцелуя. Было очевидно, что она показалась ему очаровательной.

– Боюсь, достаточно, но тебе придется смириться с этим. Так или иначе, ты должен переодеться.

Она обвила его шею своими гладкими, мягкими руками, и он не смог остаться равнодушным. Это была именно такая женщина, в которой он нуждался, – настоящая красавица. Ее шею украшало простое бирюзовое ожерелье, а пальцы были густо унизаны кольцами, но все равно оставались прекрасными. От нее исходил слабый аромат гиацинта или лаванды. Ее прическа была превосходна, как и насыщенный желтовато-зеленый оттенок ее платья.

– Ты просто очаровательна, дорогая. Сегодня ты превзошла себя. Но я раньше не видел этого платья; где ты достала его?

– Здесь, в Чикаго.

Он приподнял теплые пальцы Эйлин и развернул ее, изучая шлейф ее платья.

– Тебе не нужны ничьи советы. Ты могла бы открыть школу кройки и шитья.

– Значит, я выгляжу нормально? – поддразнила она, все еще немного сомневаясь в себе.

– Просто безупречно. Лучше и быть не может.

Она приободрилась.

– Хотелось бы мне, чтобы твои друзья думали то же самое. Но тебе лучше поспешить.

Он поднялся наверх, и Эйлин последовала за ним, по пути снова заглянув в столовую. По крайней мере, там все было великолепно. Безусловно, Фрэнк был мастером своего дела.

В семь вечера послышался стук копыт и звуки подъезжавших экипажей, а вскоре дворецкий Луи уже распахнул двери. Эйлин снова спустилась в приемную, немного робея и стесняясь, но стараясь думать о разных приятных вещах и гадая о том, сможет ли она как следует развлечь гостей. Каупервуд, сопровождавший ее, был совершенно другим человеком во всем, что касалось самообладания и эмоционального настроя. Собственное будущее всегда представлялось ему надежно обеспеченным, и он собирался в равной мере обеспечить будущее Эйлин. Напряженный подъем по ступеням общественной лестницы, казавшийся таким трудным для Эйлин, нимало не беспокоил его.

Ужин, как это бывает с такими нехитрыми вещами, прошел вполне успешно с точки зрения организации и внешнего убранства. Благодаря своим разнообразным интересам и вку-

сам, Каупервуд мог глубокомысленно и красноречиво обсуждать с мистером Рэмбо состояние железнодорожной индустрии; он мог беседовать об архитектуре с мистером Лордом, как многообещающий студент со своим наставником, а с такими женщинами, как миссис Эддисон или миссис Рэмбо, он мог предлагать уместные темы для разговоров или же поддерживать их. К сожалению, Эйлин чувствовала себя не так непринужденно, ибо по своему естественному складу и темпераменту она была отстраненной от серьезных предметов и четкого представления о жизни. Многие вещи, о которых она имела весьма расплывчатое понятие, оставались для нее тайной за семью печатями – смутными интуитивными образами. Она ничего не знала о литературе, кроме определенных авторов, которые могли бы показаться низкопробными действительно культурному человеку. Ее представление о живописи ограничивалось вереницей звучных имен из комментариев в разговорах Каупервуда. Единственным искупительным качеством была ее красота, ибо она сама была живым, блистательным произведением искусства. Даже такой сдержанный, консервативный и рациональный человек, как Рэмбо, мгновенно осознал место Эйлин в жизни Каупервуда. Это была женщина, которую он сам мог бы высоко оценить, хотя и в определенном качестве.

У всех сильных мужчин интерес к противоположному полу обычно сохраняется до конца, иногда направляемый стоической покорностью однажды сделанному выбору. Они хорошо знают, что подобные эксперименты можно повторять снова и снова, но с какой целью? Для многих это становится слишком обременительно. Однако Эйлин, которая в тот вечер явилась во всем своем блеске и великолепии, затронула древние мужские устремления в душе мистера Рэмбо. Когда-то он был гораздо моложе. Увы, он никогда не привлекал к себе пламенный интерес подобных женщин. Глядя на нее сейчас, он сожалел, что ему не выпала такая удача.

По контрасту с цветущим обликом и роскошным нарядом Эйлин, скромное серое платье миссис Рэмбо, воротник которого доходил почти до ушей, выглядело обескураживающее и почти укоризненно, но ее любезность и отзывчивость сглаживали это впечатление. Она была родом из интеллектуальной среды Новой Англии и воспитанницей школы Эмерсона, Торо и Чэннинга Филиппса, поэтому отличалась большой терпимостью. В сущности, ей понравилась Эйлин и та восточная пышность, которую она олицетворяла.

– У вас такой милый домик, – с улыбкой сказала она. – Мы уже не раз поглядывали на него. Поскольку мы живем не так уж далеко от вас, нас можно называть соседями.

Эйлин ответила благодарным взглядом. Хотя она не могла угнаться за мыслями миссис Рэмбо, но по-своему понимала и уважала ее. В некотором смысле, миссис Рэмбо казалась ей кем-то вроде ее собственной матери, если бы последняя была высокообразованной женщиной. Когда они входили в приемную залу, было объявлено о прибытии Тейлора Лорда. Каупервуд взял его за руку и повел к остальным.

Лорд, – высокий, морщинистый мужчина сурового вида, – с восхищением посмотрел на Эйлин.

– Миссис Каупервуд, позвольте мне быть одним из многих, кто приветствует вас в Чикаго, – сказал он. – После Филадельфии вам сначала будет не хватать некоторых вещей, но в конце концов нам всем начинает нравиться этот город.

– О, я уверена, что мне тоже понравится, – улыбнулась Эйлин.

– Много лет назад я сам жил в Филадельфии, хотя и недолго, – добавил Лорд. – Потом уехал оттуда и стал жить в Чикаго.

Эти слова доставили Эйлин небольшую заминку, но она без труда преодолела свою неловкость. Ей следовало ожидать таких мимолетных замечаний; могли встретиться гораздо худшие препятствия для взаимопонимания.

– Чикаго – замечательный город, – поспешно откликнулась она. – И гораздо более оживленный, чем Филадельфия.

– Рад слышать, что вы так считаете. Мне здесь очень нравится; возможно, поэтому у меня тут столько интересных занятий.

Прелесть ее рук и волос приводила его в восторг. Ощущая, что Эйлин не хватает светской утонченности, он напомнил себе, что красивой женщине нет надобности обладать выдающимся интеллектом.

Дворецкий сделал очередное объявление, на этот раз возвестив о прибытии мистера и миссис Эддисон. Эддисона вовсе не беспокоил визит к Каупервуду; ему даже нравилась мысль об этом. Положение этой супружеской четы в Чикаго было очень прочным.

– Как поживаете, Каупервуд? – с сияющим видом поинтересовался он и положил руку на плечо хозяина дома. – Очень любезно с вашей стороны удостоить нас своим присутствием сегодня вечером, миссис Каупервуд. Я уже почти год уговаривал вашего мужа привезти вас сюда. Разве он вам не рассказывал?

(Эддисон еще не поведал своей жене подлинную историю Каупервуда и Эйлин.)

– Да, разумеется, – беспечно ответила Эйлин, чувствуя, что Эддисон тоже очарован ее красотой. – Мне тоже хотелось приехать. Если я не оказалась здесь раньше, то лишь по его вине.

Внимательно разглядывая Эйлин, Эддисон был вынужден признать себе, что эта женщина выглядит потрясающе. Значит, вот кто был причиной судебного иска первой жены Каупервуда. Ничего удивительного. Что за прелестное существо! Он сравнил ее с миссис Эддисон, и его супруга оказалась в невыгодном положении. Она никогда не была такой поразительно красивой и прямодушной, как Эйлин, хотя пожалуй, обладала большим здравомыслием. Ей-богу, если бы сейчас он мог найти такую женщину, как Эйлин! Жизнь засияла бы новым блеском. Тем не менее, у него были женщины. Он действовал крайне осмотрительно и незаметно, но так или иначе добивался своего.

– Так приятно познакомиться с вами, – обратилась к Эйлин миссис Эддисон, дородная женщина, увешанная драгоценностями. – Судя по всему, наши мужья стали добрыми друзьями. Нам надо почаще встречаться друг с другом.

Это была напыщенная болтовня ни о чем, принятая в любом светском обществе, и Эйлин чувствовала, что она быстро осваивается в местном обществе. Дворецкий принес огромный поднос с закусками и аперитивами, аккуратно оставленный на угловом столе. Затем подали ужин, и начались разговоры. Они обсуждали развитие города и новую церковь, которую Лорд строил в десяти кварталах отсюда; Рэмбо с юмором рассказал о нескольких мошеннических земельных сделках. Общая атмосфера была радостной и непринужденной. Между тем Эйлин прилагала все силы к тому, чтобы заинтересовать миссис Рэмбо и миссис Эддисон. Последняя ей больше понравилась, но лишь потому, что с ней было гораздо проще разговаривать. Эйлин понимала, что миссис Рэмбо более умна и доброжелательна, но немного опасалась ее; в результате ей пришлось обратиться за поддержкой к мистеру Лорду. Он благородно поспешил ей на помощь и разговаривал обо всем, что приходило ему в голову. Все мужчины, помимо Каупервуда, думали о физической красоте Эйлин, о белизне ее рук, о ее округлой шее и плечах, о роскошных густых волосах.

Глава 7

Чикагский газ

Старый Питер Лафлин, помолодевший благодаря зажигательным идеям Каупервуда, усердно зарабатывал деньги для нового предприятия. Он приносил с биржи множество интересных слухов и такие проницательные догадки о намерениях определенных групп и отдельных людей, на основании которых Каупервуд мог делать блестящие выводы.

– Черт возьми! Думаю, Фрэнк, я точно знаю, что затевают эти парни! – часто восклицал Лафлин наутро после долгих ночных размышлений в своей одинокой постели на Харрисон-стрит. – Эта шайка со скотного двора («скотный двор» подразумевал товарную биржу, а под «шайкой» он имел в виду большинство великих махинаторов, таких как Арнил, Хэнд, Шрайхарт и других) снова нацелилась на кукурузу! Если не ошибаюсь, то ждать осталось недолго. Как думаете, а?

Каупервуд, усвоивший многие тонкости биржевой торговли на Среднем Западе, ранее неизвестные ему, и с каждым днем расширявший свою осведомленность, обычно принимал мгновенные решения.

– Вы правы. Рискнем сотней тысяч бушелей. Думаю, цена на Центральной бирже в Нью-Йорке в следующие несколько дней опустится на один или два пункта. Лучше будет занять короткую позицию.

Лафлин никак не мог уяснить, каким образом Каупервуд располагает информацией о местных и готов действовать так же стремительно, как и он сам. Он мог понять его опыт торговли акциями восточных штатов и его знание о делах, творившихся на бирже в Филадельфии, но как быть с Чикаго?

– Почему вы так думаете? – как-то раз спросил он Каупервуда, снедаемый любопытством.

– Ну как же, Питер, – непринужденно отозвался Каупервуд. – Антон Видера (один из директоров Зернового банка) побывал здесь вчера, пока вы проводили время на бирже, и все рассказал мне.

Он описал ситуацию, изложенную Видерой. Лафлин знал Видеру как решительного и богатого поляка, который поднялся наверх за последние несколько лет. Было даже странно, что Каупервуд с такой легкостью знакомится с состоятельными людьми и быстро завоевывает их доверие. Видера никогда не был таким откровенным в отношениях с Лафлином.

– Ха! – воскликнул он. – Что же, если он так говорит, это более чем вероятно.

Поэтому Лафлин совершил покупку, и фирма «Питер Лафлин и К^о» только выиграла от этого.

Но, хотя зерновой и комиссионный бизнес в среднем приносил каждому из партнеров по двадцать тысяч долларов в год, для Каупервуда он был не более чем источником информации.

Он хотел взяться за дело, которое бы гарантированно принесло ему гораздо более высокую прибыль за разумное время и обеспечило такой капитал, который уберек бы его в любом отчаянном положении, подобном тому, в котором он оказался после Чикагского пожара. По его собственным словам, нельзя было распыляться на мелочи. Он заинтересовал в своих начинаниях небольшую группу чикагцев, пристально следивших за ним: Джуда Эддисона, Александра Рэмбо, Милларда Бейли и Антона Видеру. Хотя эти люди не могли считаться поистине могущественными фигурами, они располагали свободными средствами. Каупервуд знал, что может обратиться к ним с любым по-настоящему здравым предложением. Ситуация с газоснабжением Чикаго наиболее привлекала его внимание, поскольку здесь имелась возможность почти внезапно захватить еще неосвоенную территорию. С получением концессий, – читатель

вполне может представить, каким образом, – он мог предстать Гамилькаром в сердце Испании или Ганнибалом у врат Рима, с требованием капитуляции и раздела добычи.

В то время существовало три газовых компании, действующие в трех разных городских округах, – три подразделения, или «стороны», как они назывались, – Южная, Западная и Северная, – из которых «Чикагская газовая, осветительная и коксовая компания», учрежденная в 1848 году и ведущая дела на Южной стороне, была наиболее влиятельной и процветающей. «Народная газовая, осветительная и коксовая компания», ведущая дела на Западной стороне, была на несколько лет моложе Южной и получила шанс обрести самостоятельное существование из-за безрассудной самоуверенности организатора и директоров Южной компании, воображавших, что ни Северная, ни Западная сторона в предстоящие годы не будут развиваться достаточными темпами, и рассчитывавших на возможность в любое время получить от городских властей разрешение на распространение своей магистральной сети в остальные районы города. «Газовая осветительная компания Северного Чикаго» была основана почти одновременно с компанией Западной стороны в ходе того же процесса, что и остальные: в результате заявленного намерения ограничить свою деятельность теми районами, откуда якобы происходили ее учредители.

Первым проектом Каупервуда был выкуп и объединение стрех старых газовых компаний. С этим намерением он стал изучать финансовое и общественное положение главных акционеров этих корпораций. Его идея заключалась в том, что предложив три к одному или даже четыре к одному за каждый доллар, представленный рыночной стоимостью их акций, он сможет выкупить компании и капитализировать их как единое целое. Затем, выпустив достаточно акций для покрытия всех своих обязательств, он мог собрать богатый урожай и одновременно встать у руля предприятия. Сначала он обратился в Джуду Эддисону, который был наиболее доступен для помощи в запуске подобной схемы. Каупервуд нуждался в нем не столь в качестве партнера, сколько в качестве инвестора.

– Скажу вам, что я думаю по этому поводу, – наконец произнес Эддисон. – Здесь вы нащупали превосходную идею. Даже удивительно, что она не пришла в голову кому-то еще. Теперь нужно помалкивать об этом, чтобы вас не опередили. Здесь много предприимчивых людей. Но вы мне нравитесь, поэтому я с вами. Мое личное участие в таком деле, – во всяком случае, открытое, – было бы неразумным, но я обещаю выделить часть необходимых средств. Мне также нравится ваша идея о центральной холдинговой компании с общим инвестиционным капиталом и под вашим доверительным управлением. Вполне согласен, что вы должны возглавить ее, так я считаю, вы можете с этим справиться. Так или иначе, я могу выступать лишь в роли инвестора. Однако вам нужно иметь двух-трех других инвесторов, чтобы заручиться моей поддержкой. У вас уже есть кто-то на примете?

– Да, безусловно, – ответил Каупервуд. – Просто я в первую очередь обратился к вам.

Он упомянул фамилии Рэмбо, Видеры, Бейли и других.

– Они подойдут, если вы сумеете убедить их, – сказал Эддисон. – Но даже тогда я не уверен, что вам будет по силам уговорить владельцев компаний продать их доли. Они не являются инвесторами в обычном смысле слова. Они рассматривают свои компании как частный бизнес. Они основали его, и он им нравится. Они построили газгольдеры и проложили газовые магистрали. Это будет нелегко.

Как и предсказывал Эддисон, Каупервуд обнаружил, что было совсем непросто убедить крупных акционеров и директоров старых газовых компаний на какую-либо схему реорганизации. Ему еще не приходилось иметь дела с более замкнутой и неотзывчивой группой людей. Его предложение открытого выкупа по цене в три или в четыре раза выше рыночной стоимости акций столкнулось с категорическим отказом. Акции разных газовых компаний торговались по цене от ста семидесяти до двухсот десяти долларов за штуку и с каждым годом неизменно росли в цене по мере расширения границ города и увеличения потребности в газе. В то же

время, все они вместе и каждый в отдельности с большим подозрением относились к смелым предложениям, исходившим от постороннего человека. Кто он такой? Кого он представляет? Он ясно давал понять, что располагает обширным капиталом, но не раскрывал имен своих инвесторов. Старые директора и управляющие любой компании предполагали аферу со стороны директоров и управляющих одной из других компаний с целью получить контроль над предприятием и вытеснить их с рынка. Зачем продавать свои доли? Зачем поддаваться искушению большей прибыли от их акций, когда им и так совсем неплохо живется? Поскольку Каупервуд был еще новичком в Чикаго и пока не обзавелся крупными деловыми связями, он в конце концов был вынужден обратиться к другому плану, – к организации новых компаний в пригородах для создания ударного клина будущей атаки на основную часть города. В таких пригородах, как Лейк-Вью и Гайд-Парк, существовали собственные городские или поселковые муниципалитеты, имевшие полномочия для выдачи концессий водопроводным, газовым и трамвайным компаниям, учрежденным в соответствии с законами штата. Каупервуд рассчитывал, что если он сможет организовать отдельные и с виду независимые компании в каждом городке и поселке, а впоследствии учредит головную компанию в Чикаго, то сможет диктовать условия старейшим учреждениям. Оставалось лишь получить необходимые разрешения и концессии до того, как соперники уяснят положение дел.

Главная трудность состояла в том, что он был совершенно не знаком с газовым бизнесом, – с добычей, производством и распределением газа, – и никогда особенно не интересовался этим. Организация трамвайных линий, его излюбленной формы извлечения прибыли за счет муниципальных коммуникаций, где он обладал практически неисчерпаемым кладом специализированных знаний, не представляла для него никаких практических возможностей в Чикаго. Он размышлял над ситуацией и ознакомился с некоторыми материалами о газовом производстве, когда удача неожиданно вложила ему в руки готовый инструмент для осуществления планов.

Судя по всему, в ходе становления и развития компании Южной стороны некогда существовала менее крупная организация, основанная человеком по фамилии Сиппенс, – Генри де Сото Сиппенс, – который с помощью какого-то ловкого трюка сумел получить концессию на производство и продажу газа в центральных районах Чикаго, но впоследствии был настолько измучен всяческими претензиями и судебными тяжбами, что в конце концов сам вышел из бизнеса, либо его убедили сделать это. Теперь он работал с недвижимостью в Лейк-Вью. Старый Питер Лафлин был знаком с ним.

– Он малый не промах, – сказал Лафлин Каупервуду. – Когда-то я считал, что он далеко пойдет, но ему выкрутили руки, и он был вынужден отказаться от нажитого. Однажды на его газгольдере у реки произошел взрыв; думаю, это были его дружки-соперники. Так или иначе, он отошел от дел. Я уже несколько лет не слышал о нем.

Каупервуд послал старого Питера поискать мистера Сиппенса, выяснить, чем он теперь занимается, и интересуется ли его возвращение в газовый бизнес. И вот, через несколько дней Генри де Сото Сиппенс вошел в офис фирмы «Питер Лафлин и К°». Он был миниатюрным человеком лет пятидесяти на вид, носил высокую четырехугольную шляпу из жесткого фетра, короткий саржевый пиджак коричневого цвета (который летом становился хлопчатобумажным) и туфли с квадратными мысками. Он выглядел стопроцентным сельским аптекарем или владельцем книжной лавки, – возможно, с легким налетом сельского врача или адвоката. Манжеты его рубашки слишком далеко высывались из рукавов пиджака, галстук слишком выпирал из-под жилета, а его высокая шляпа была слишком заломлена на затылок, но во всех прочих отношениях он был приятным, разумным и интересным человеком. У него были короткие рыжеватые бакенбарды, которые воинственно топорщились, и густые брови.

– Мистер Сиппенс, – любезным тоном произнес Каупервуд. – Когда-то вы занимались производством и распределением газа в Чикаго, не правда ли?

– Думаю, мне известно о производстве газа не меньше, чем любому другому, – почти сварливо отозвался Сиппенс. – Я много лет работал в этой области.

– Ну, что ж, мистер Сиппенс. Я подумал, что будет интересно учредить небольшую газовую компанию в одном из пригородных поселков, которые так быстро разрастаются, и посмотреть, можно ли будет заработать на этом кое-какие деньги. Сам я не занимался практическими вопросами в газовой сфере, но подумал, что могу заинтересовать знающего человека, – он окинул Сиппенса дружелюбным, оценивающим взглядом. – Я слышал о вас, как о человеке, имевшем значительный опыт в этой области именно здесь, в Чикаго. Как думаете, если я смогу учредить такую компанию со значительным финансированием, вы согласились бы взять на себя ее руководство?

«Мне все известно о газовых компаниях, – собирался сказать мистер Сиппенс. – У вас ничего не выйдет». Но он изменил свое мнение еще до того, как открыл рот.

– Если мне достаточно хорошо заплатят, – осторожно сказал он. – Полагаю, вы представляете, с кем вам придется конкурировать?

– О, да, – с улыбкой ответил Каупервуд. – Что вы считаете «достаточно хорошей зарплатой»?

– Ну, если бы я получал шесть тысяч в год и имел достаточно большую долю в компании, – скажем, примерно половину, – то пожалуй, я бы рассмотрел такое предложение, – ответил Сиппенс, решительно настроенный отпугнуть Каупервуда столь непомерными требованиями. Он получал не более шести тысяч долларов в год от своего нынешнего бизнеса.

– А вам не кажется, что четыре тысячи долларов в нескольких компаниях, – скажем, до пятнадцати тысяч долларов в общем итоге, – и около десятой доли в каждой из них было бы лучшим предложением?

Мистер Сиппенс тщательно обдумал эти слова. Было ясно, что его собеседник не является беззубым новичком. Он проницательно посмотрел на Каупервуда и без всяких дополнительных объяснений увидел, что этот человек готовится к большой схватке. Десять лет назад Сиппенс осознал громадные возможности газового бизнеса. Он попытался войти в дело, но его засудили, завалили претензиями, шантажировали, перекрывали каналы финансирования и в конце концов довели до банкротства. Его всегда возмущало, как несправедливо с ним обошлись, и он горько сожалел о своей неспособности нанести ответный удар. Он думал, что дни его финансовых схваток остались далеко позади, но предложение этого человека подразумевало возобновление борьбы, призывавшее его присоединиться к гонке, словно охотничий рог.

– Ну, что же, мистер Каупервуд, – уже не так вызывающе и более дружелюбно отозвался он. – Если вы покажете мне, что у вас на руках есть обоснованное предложение, то могу сказать, что я разбираюсь в газовом бизнесе. Я все знаю о прокладке газовых труб, концессионных контрактах и газовом оборудовании. Я основал и построил газовые заводы в Дейтоне, штат Огайо, и в Рочестере, штат Нью-Йорк. Если бы я приехал сюда немного раньше, то сейчас был бы богатым человеком, – в его голосе прозвучало эхо сожаления.

– Итак, это ваш шанс, мистер Сиппенс, – исподволь побуждал его Каупервуд. – Между нами говоря, скоро здесь будет учреждена новая крупная газовая компания. Мы заставим этих стариков считаться с нами. Разве это вас не интересует? Денег будет предостаточно. Нам нужны не средства, а организатор, – боец и профессиональный газовщик, который может построить завод, проложить магистрали, и так далее, – Каупервуд неожиданно и решительно выпрямился во весь рост; он пользовался этой уловкой, когда хотел произвести особенно сильное впечатление на собеседника. Казалось, от него исходят волны силы, энергии и воли к победе. – Вы согласны войти в дело?

– Да, мистер Каупервуд! – воскликнул Сиппенс. Он вскочил на ноги, надел шляпу и нахлобучил ее на затылок так далеко, что стал похож на бойцового петуха с выпяченной грудью.

Каупервуд пожал протянутую руку.

– Приведите в порядок свои дела с недвижимостью. Я хочу, чтобы вы в скором времени обеспечили для меня концессию в Лейк-Вью и построили газовый завод. Примерно через неделю я организую дела к вашему полному удовлетворению. Нам также понадобится хороший юрист или парочка юристов.

Выходя из офиса, Сиппенс восторженно улыбался. Как такое чудо могло произойти через десять лет? Теперь он покажет этим негодяям, где раки зимуют. Теперь за его спиной находился настоящий боец, – такой же, как и он сам. Но кем был этот человек? Что за чудо! Нужно будет выяснить, кто он такой. Сиппенс был твердо уверен, что начиная с этого момента он будет делать почти все, что от него захочет Каупервуд.

Глава 8

Время для схватки

После неудачной увертюры с тремя газовыми компаниями, когда Каупервуд посвятил Эддисона в свой план по учреждению конкурирующих компаний в пригородах, банкир уважительно посмотрел на него.

– Умный ход! – произнес он. – Теперь я вижу, что вы справитесь, и готов поддержать вас!

Потом Эддисон сообщил Каупервуду, что ему понадобится содействие влиятельных людей в различных пригородных муниципалитетах.

– Все они скользкие типы, – продолжал он, – но некоторые из них более жуликоваты, чем другие, зато гарантируют результат. У вас есть поверенный в делах?

– Пока что нет, но скоро будет. Я ищу подходящего человека.

– Разумеется, не стоит и говорить о том, как это важно. У почтенного генерала Ван-Сайкла есть значительный опыт в таких делах. На него вполне можно положиться.

Появление генерала Джадсона П. Ван-Сайкла с самого начала придало мероприятию двусмысленный оттенок. Старый вояка, которому давно перевалило за пятьдесят, был дивизионным генералом во время Гражданской войны, но прославился тем, что оформлял фиктивные права на недвижимость в южном Иллинойсе, а затем подавал судебные иски для укрепления своих мошеннических притязаний перед дружественными сообщниками. Теперь он был обеспеченным посредником, бравшим солидные гонорары за свою работу, однако не слишком богатым. К генералу обращались лишь за услугами определенного рода, и возникало невольное желание сравнить его с бараном-провокатором, обученным возглавлять стадо перепуганных овец, дружно блеявших, когда их загоняли на бойню. Он всегда хорошо знал, когда нужно тихо отступить на задний план и таким образом спасти свою шкуру. Этот старый, прожженный стряпчий имел за плечами Бог весть сколько измененных завещаний, нарушенных обещаний, продажных присяжных заседателей, нечистоплотных судей, подкупленных муниципальных чиновников и законодателей. В его голове вращался целый мир хитроумных юридических подтасовок и фальшивых претензий. В силу полезных услуг, оказанных в прошлом, среди политиков, адвокатов и судей в целом было принято считать, что он обладает некими могущественными связями. Ему нравилось, когда к нему обращались по любому вопросу, – главным образом потому, что это давало возможность чем-то заняться и отвлекало от скуки. Если он был вынужден отправиться на встречу зимой, то надевал старую серую шинель, заносившую почти до ветхости, затем брал мягкую фетровую шляпу, покоробленную и потерявшую всякую форму, нахлобучивал ее пониже над тускло-серыми глазами и неторопливо выходил на улицу. Летом его одежда выглядела такой помятой, как будто он несколько недель спал, не раздеваясь. Он много курил. Его лицом имело некоторое сходство с генералом Грантом, с короткой седой бородой и усами, которые всегда выглядели более или менее неухоженными, и волосами, свисавшими на лоб спутанной седоватой массой. Бедный генерал! Он не был ни вполне счастливым, ни очень несчастным, – Фома неверующий, утративший надежду и веру в человечество и без особой приязни относившийся к любому человеку.

– Я расскажу вам, как обстоят дела с этими мелкими муниципалитетами, мистер Каупервуд, – с глубокомысленным видом изрек Ван-Сайкл после того, как с предварительными формальностями было покончено. – Они еще хуже городского совета, хотя и там кажется, что хуже некуда. С этими мелкими прохвостами ничего нельзя поделать без денег. Не люблю слишком сурово отзываться о людях, но эти парни... – он покачал головой.

– Понимаю, – сказал Каупервуд. – Это не самые приятные люди, даже если вы ставите их на довольствие.

– Большинство из них не остаются верны своим обязательствам, даже когда вы думаете, будто они у вас в кармане, – продолжал генерал. Они перепродают свои услуги. Им хватит бесстыдства, чтобы обратиться в газовую компанию Северной стороны и рассказать им о ваших планах, прежде чем вы успеете наладить свой бизнес. Потом они начинают требовать еще больше денег, устраивают конкурентные торги, и так далее, – старый генерал изобразил скорбную мину и добавил: – Тем не менее, среди них есть кое-какие надежные люди, – например, мистер Данивэй и мистер Герехт, если вы сможете заинтересовать их.

– Меня не слишком заботит, каким образом это будет сделано, – дружеским тоном заметил Каупервуд. – Но я хочу быть уверен в том, что это будет сделано быстро и тихо. Мне не нужны особые подробности. Как вы думаете можно ли будет это устроить без огласки, и сколько это будет стоить?

– Трудно судить до тех пор, пока я не займусь этим вплотную, – задумчиво сказал генерал. Это может стоить лишь четыре тысячи, а может и все сорок тысяч, если не больше. Мне нужно немного времени, чтобы разобраться.

Пожилый джентльмен явно гадал о том, сколько денег готов потратить Каупервуд.

– Хорошо, тогда сейчас мы не будем беспокоиться об этом. Я готов проявить необходимую щедрость. Недавно я послал за мистером Сиппенсом, президентом «Газовой и топливной компании Лейк-Вью», и он скоро будет здесь. Вам нужно будет наладить тесное сотрудничество с ним.

Энергичный Сиппенс появился через несколько минут, и после наставления оказывать друг другу всевозможную поддержку и скрывать имя Каупервуда во всех вопросах, связанных с этой работой, они с Ван-Сайклом ушли вместе. Они представляли собой странную пару: флегматичный и разочарованный жизнью пожилой генерал, равнодушный к собственной помощи, но готовый оказать ее, и бодрый, щеголеватый Сиппенс, намеренный совершить эпический акт возмездия старинному врагу. Через десять минут они уже были закадычными приятелями, и генерал описывал Сиппенсу скаредное и беспринципное политическое кредо муниципального советника Данивэя и дружелюбную, но жадную до денег натуру Джейкоба Герехта. Такова жизнь.

Поскольку Каупервуд никогда не складывал все яйца в одну корзину, то при организации компании в Гайд-Парке он решил заручиться услугами второго юриста и подставного президента, хотя и предложил сохранить Сиппенса в качестве главного технического консультанта во всех трех или четырех новых компаниях. Он размышлял над этим вопросом, когда на сцене появился человек, который был гораздо моложе пожилого генерала, – некий Кент Берроуз Маккиббен, единственный сын бывшего судьи Верховного суда Маршалла Скэммона Маккиббена. Кенту Маккиббену – высокому, атлетически сложенному и по-своему красивому мужчине – было тридцать три года. В интеллектуальном смысле (то есть, в вопросах ведения своего бизнеса) он отличался жесткой сосредоточенностью, но при этом имел аристократически-отстраненный и часто мечтательный вид. Он имел офис в одном из лучших кварталов Дирборн-стрит, где каждое утро к девяти часам впадал в состояние замкнутой задумчивости, если какое-либо важное дело не призывало его в центр города. В данном случае он составил документы о праве собственности и договоры для компании по торговле недвижимостью, которая продала Каупервуду участки на Тридцать Седьмой улице и Мичиган-авеню, и когда они были готовы, отправился в его офис с намерением спросить, есть ли какие-то дополнительные подробности, которые Каупервуд пожелал бы принять во внимание. Когда его проводили в кабинет, Каупервуд окинул его острым аналитическим взглядом и сразу же увидел человека, который ему понравился. Сдержанный эстетизм Маккиббена пришелся ему по душе. Ему понравилась одежда собеседника, его агностическая невозмутимость и светские манеры. Со своей стороны, Маккиббен сразу же уловил атмосферу власти и финансового могущества. Он отметил светло-коричневый деловой костюм Каупервуда с тонкими красными нитями,

вплетенными в основу, его каштановый галстук и маленькие овальные запонки в манжетах рубашки. Его рабочий стол со стеклянной крышкой был чистым и выглядел официально. Деревянные панели в комнатах были изготовлены из вишни, отполированы и навощены вручную, а художественное оформление было представлено необычными гравюрами на стали в тонких рамках с изображением сцен американской жизни. Пишущая машинка, в то время еще только появившаяся в продаже, стояла на видном месте, а биржевой телеграфный аппарат, – еще одно новшество, – бойко отстукивал последние котировки. Секретарша, ожидавшая в приемной Каупервуда, была молодой полячкой по имени Антуанетта Новак, – сдержанной, сообразительной и очень привлекательной брюнеткой.

– Какого рода делами вы занимаетесь, мистер Маккиббен? – с видимой небрежностью поинтересовался Каупервуд во время разговора. Выслушав объяснения Маккиббена, он добавил: – Если желаете, загляните сюда на следующей неделе. Есть вероятность, что я смогу предложить вам что-нибудь интересное в профессиональном смысле.

Услышав такие слова от другого человека, Маккиббен возмущился бы столь расплывчатым предложением о будущей поддержке. Но сейчас он был чрезвычайно доволен. Личность собеседника захватила его воображение, и привычная бесстрастность изменила ему. Когда он пришел снова, и Каупервуд обозначил предполагаемую задачу, Маккиббен клюнул на его предложение, как рыба на приманку.

– Мне хотелось бы попробовать свои силы в этом деле, мистер Каупервуд, – искренне сказал он. – Я никогда не занимался подобными вещами, но вполне уверен, что справлюсь. У меня есть летнее жилье в Гайд-Парке, и я знаком с большинством чиновников из местного совета, поэтому я могу оказать значительное влияние в ваших интересах.

Каупервуд любезно улыбнулся.

Так была учреждена вторая компания во главе с подставным командным составом по выбору Маккиббена. Сиппенс, без ведома старого генерала Ван-Сайкла, получил должность технического консультанта. Затем было подано ходатайство о получении концессии, и Маккиббен приступил к тонкой закулисной работе на Южной стороне, постепенно заручаясь доверием различных муниципальных чиновников.

Вскоре появился и третий юрист по имени Бартон Стимсон, самый молодой, но не менее способный, чем остальные: бледный темноволосый юноша с горящими глазами, который мог бы исполнять роль Ромео. Каупервуд познакомился с ним, когда он выполнял незначительную работу для Лафлина. Теперь его привлекли к работе на Западной стороне, со старым Питером Лафлином в качестве учредителя компании и вездесущим Сиппенсом в должности технического советника. Однако Стимсон был не мечтательным Ромео, а вдумчивым энтузиастом, родившимся в очень бедной семье и стремившимся пробиться наверх. Каупервуд определил, что хотя интеллектуальная податливость может быть предвестием катастрофы для некоторых людей, для него самого она была залогом успеха. Ему были нужны высокообразованные слуги и помощники. Он был готов щедро платить им, держать их в тонусе и обходиться с ними едва ли не с княжеской учтивостью, он они должны были сохранять абсолютную преданность его делу. Хотя Стимсон сохранял спокойствие и выдержку в любых ситуациях, он был готов поцеловать перстень на пальце архиепископа. Такова утонченная природа близости к чужому величию.

И вот, на Северной, Южной и Западной стороне одновременно началось какое-то странное оживление: закулисные встречи, негласные переговоры и тайные соглашения. В Лейк-Вью старый генерал Ван-Сайкл и де Сото Сиппенс, совещаясь с пронырливым фармацевтом и по совместительству муниципальным советником Данивзеем и владельцем скотобойни, оптовым мясником Джейкобом Герехтом, – приятными в общении, но требовательными людьми, – вели дружеские беседы в аптеке или служебном помещении склада, где почти во всех подробностях расписывали вознаграждения и прибыли. В Гайд-Парке мистер Кент Берроуз Маккиббен, элегантный и одетый с иголки, подлинный Честерфилд среди юристов, а также некий

Дж. Дж. Бергдолл, длинноволосый и с виду непримечательный наймит благородных кровей, избранный подставным президентом «Газовой и топливной компании Лейк-Вью», совещались с членом муниципального совета Альфредом Б. Дэвисом, хозяином производства плетеных и ротанговых изделий, и владельцем салуна Патриком Гилганом, организуя будущее распределение долей акционерного капитала и внося определенные предложения по поводу наличных выплат, земельных участков, услуг и так далее. Между тем в поселке Дуглас и Вест-Парке на Западной стороне угловатый и насмешливый Питер Лафлин заключал сходные сделки вместе с Бартом Стимсоном.

Противник в лице городских газовых компаний, разделенных на три фракции, оказался совершенно не готовым к происходящему. В конце концов, когда новости о ходатайствах на получение концессий, поданных в несколько пригородных муниципалитетов, просочились наружу, каждая из старых компаний заподозрила остальные в измене, грабеже и посягательстве на чужую территорию. Каждая компания отправила своих ручных адвокатов в пригородные поселковые советы, но ни одна из компаний еще не имела ни малейшего представления, кто стоит за генеральным планом операции. До того, как кто-либо из них успел подать обоснованный протест или заявить о своей готовности заплатить большие деньги за освобождение пригородов, примыкавших к ее территории, – прежде, чем они успели организовать юридическую борьбу, местные муниципалитеты приняли постановления об удовлетворении ходатайств, поданных новыми компаниями. В каждом случае это произошло в ходе открытых слушаний и за один тур голосования, где решения были приняты почти единогласно. Мелкие пригородные газеты, почти забытые при распределении «компенсаций», разразились громкими криками ужаса и смятения. Впрочем, крупные городские газеты сначала почти не обратили на это внимания, отделившись замечанием, что поселковые советы достойно начинают свой путь, следуя по стопам городского совета в своей продажности и беспринципности.

Каупервуд улыбался, когда читал в утренних газетах объявления о принятии постановлений, дававших ему право на концессии. В последующие дни он с удовольствием выслушивал доклады Лафлина, Сиппенса. Маккиббена и Ван-Сайкла о прощупывании почвы и тайных попытках выкупить их доли или завладеть полученными концессиями. Вместе с Сиппенсом он разрабатывал планы строительства газовых заводов. Теперь предстояло выпустить облигации для рыночной капитализации компаний, заключить контракты на поставку оборудования, построить реальные хранилища и газгольдеры, проложить газопроводы. Нужно было успокоить общественное мнение, взвинченное газетными публикациями. Во всем этом де Сото Сиппенс показал себя настоящим мастером. Вместе с Ван-Сайклом, Маккиббеном и Стимсоном в качестве его советников в разных районах он представлял Каупервуду конспективные предложения, в ответ на которые тот одобрительно кивал или говорил «нет». Затем Сиппенс начал покупать, строить и рыть котлованы. Каупервуд был так доволен, что решил сохранить де Сото Сиппенса при себе на неопределенно долгое время. Со своей стороны, Сиппенс находил приятное утешение в мысли о том, что он получил шанс поквитаться по старым счетам и заниматься крупными проектами. Он был по-настоящему благодарен за это.

– Мы еще не покончили с этими мошенниками, – с торжествующим видом однажды заявил он Каупервуду. – Они будут сражаться с нами в судах. Впоследствии они могут объединить усилия. Они взорвали мой газгольдер; то же самое может произойти и с нами.

– Пусть попробуют, – сказал Каупервуд. – Мы тоже умеем взрывать и судиться. Мне нравятся судебные иски. Мы свяжем их по рукам и ногам, так что они будут умолять о пощаде.

Его глаза довольно блестели.

Глава 9

В поиске победы

Между тем светские дела Эйлин понемногу продвигались вперед. Хотя было очевидно, что они не будут сразу же приняты в высшем обществе, – да этого никто и не ожидал, – также было ясно, что их нельзя полностью игнорировать. Нескрываемые теплые чувства Каупервуда по отношению к его жене во многом обеспечивали гармоничную атмосферу у него на работе. Хотя многие считали Эйлин довольно самоуверенной и грубоватой особой, в руках такого сильного и способного мужчины, как Каупервуд, она была вполне приемлемой для общения. Такого мнения, к примеру, придерживались миссис Эддисон и миссис Рэмбо. Маккиббен и Лорд испытывали сходные чувства. Если Каупервуд любил ее, а это казалось несомненным, то он должен был успешно «вышколить» ее. И он действительно любил ее, хотя и на свой манер. Он не мог забыть, как превосходно она относилась к нему в былые дни, когда, хорошо зная о его домашних обстоятельствах, о его жене, детях и о возможном противодействии членов его семьи, она отбросила все условности ради его любви. Как свободно он отдавала свою любовь! В ней не было никакой мелочности и привередливости, щепетильных придирок и претензий. Он с самого начала был «ее Фрэнком», и он до сих пор остро чувствовал ее стремление быть рядом с ним и принадлежать ему, помогавшее выжить в эти ужасные и прекрасные дни. Она могла ссориться, суетиться, спорить, подозревать и обвинять его в заигрывании с другими женщинами, но легкие отклонения от нормы в его случае не беспокоили ее, – по крайней мере, она сама так утверждала. У нее не было никаких доказательств, а в сущности, и оснований для подозрения. По ее словам, она была готова простить ему что угодно, если только он будет любить ее.

– Ты просто дьявол, – игриво обращалась она к нему. – Я же тебя знаю! Я вижу, как ты шариишь глазами из стороны в сторону. Полагаю, это из-за той хорошенькой стенографистки, которую ты держишь в своем офисе.

– Не глупи, Эйлин, – отвечал он. – И не надо быть такой грубой. Ты прекрасно знаешь, что я не буду заводить шашни со стенографисткой. Работа – не место для подобных вещей.

– Ах, вот как? Не считай меня дурочкой; я тебя знаю. Тебе сойдет любое укромное местечко!

Тогда он смеялся, и Эйлин присоединялась к нему. Она ничего не могла с собой поделать, потому что любила его. В ее нападках не было никакой ожесточенности. Очень часто после таких инцидентов он держал ее в объятиях, нежно целовал и приговаривал: «Кто моя милая большая крошка? Кто моя рыжеволосая куколка? Ты действительно так сильно любишь меня? Тогда поцелуй меня». Страсть, владевшая ими, была почти языческой. Пока внешние дела и обстоятельства не отдалили их друг от друга, он даже не мог надеяться на более сладостный контакт с другим человеческим существом. Между ними не возникало пресыщенности, грозившей перерасти в мрачное отвращение. Она оставалась физически желанной для него. Он всегда мог быть с ней искренним, нежным и даже поддразнивать ее, ибо она не оскорбляла его интеллект чопорными или консервативными представлениями. Какой бы влюбленной и глуповатой она ни была в некоторых отношениях, она могла выдержать прямую критику или поправки. Она могла делать интуитивные и расплывчатые предложения о том, что будет хорошо для них обоих. В наибольшей степени их мысли были сосредоточены на чикагском обществе, на новом доме, подряд на строительство которого уже был оформлен, и на том, что следует предпринять, чтобы расширить круг их знакомств и упрочить их положение. Эйлин думала, что жизнь еще никогда не представляла перед ней в таком радужном цвете. Иногда все выглядело слишком прекрасным, чтобы оказаться правдой. Ее Фрэнк был таким любящим и

очаровательным, таким щедрым! У нее не было ни малейших подозрений на его счет. Путь даже он иногда изменяет ей, – что с того? Он остается духовно преданным ей, и до сих пор не было ни одного случая, когда бы он подвел ее. Хотя ей было кое-что известно из прежнего опыта, она не представляла, с какой невозмутимостью он мог лгать или протестовать в подобных делах. Но тем не менее, он любил ее и до сих пор ни в малейшей степени не изменял этому чувству.

Каупервуд инвестировал около ста тысяч долларов в свои начинания с газовыми компаниями и был уверен в блестящих перспективах; его концессии оставались действительными в течение двадцати лет. К тому времени ему будет около шестидесяти лет, и он, возможно, выкупит свои активы, объединит их или продаст старым компаниям с огромной прибылью. Будущее Чикаго складывалось в его пользу. Он решил инвестировать не менее тридцати тысяч долларов в картины, если найдет подходящие, и заказать портрет Эйлин, пока она остается такой красавицей. Произведения искусства снова стали предметом его страстного увлечения. У Эддисона было четыре или пять хороших картин, – Руссо, Грёз, Вауэрман и один Лоуренс⁸ – собранных Бог весть откуда. Говорили, что у владельца отеля, торговца недвижимостью и мануфактурой по фамилии Коллард, есть поразительная коллекция. По словам Эддисона, король торговли скобяными товарами Дэвис Траск был страстным коллекционером. Каупервуд знал о многих богатых домах, где начинали коллекционировать живопись. Значит, и ему пора этим заняться.

После оформления концессий Каупервуд посадил Сиппенса в собственном офисе и временно передал ему бразды правления. Небольшие арендованные офисы с клерками появились в тех районах, где развернулось строительство газовых предприятий. Старые компании подали всевозможные иски с целью запрета, аннулирования или ограничения концессий, но Маккиббен, Стимсон и генерал Ван-Сайкл сражались с ними с доблестью и упоением троянских воинов. Это было во всех отношениях приятное зрелище. Пока что еще никто по-настоящему не знал о наступлении Каупервуда в Чикаго. Его считали очень незначительной фигурой. Его имя даже не упоминалось в связи с этой деятельностью. Других людей ежедневно прославляли и восхваляли, что вызывало у него некоторую зависть. Когда же взойдет его звезда? Безусловно, уже скоро. Поэтому в июне они отправились в свое первое заграничное путешествие, – радостные, богатые, бодрые духом и в расцвете сил, – твердо намеренные получить полное удовольствие от поездки.

Это было замечательное путешествие. Эддисон был настолько любезен, что телеграфировал в Нью-Йорк и распорядился доставить цветы для миссис Каупервуд, когда она поднимется на борт. Маккиббен прислал путеводители. Каупервуд, не рассчитывавший на то, что кто-то принес цветы, сам заказал две великолепные корзины, которые прибавились к корзине Эддисона и теперь, вместе с прикрепленными открытками, ожидали их в вестибюле на главной палубе. Несколько важных лиц, сидевших за капитанским столом, сами подошли к Каупервуду. Они получили приглашения на вечеринки с карточными играми и на закрытые концерты. Однако плавание выдалось бурным, и Эйлин страдала от морской болезни. Ей было трудно показаться себя с лучшей стороны, поэтому она большей частью не выходила из каюты. Она держалась очень надменно и отстраненно со всеми, кроме немногих, кто прислушивался к ней и не говорил лишнего. Она начала чувствовать себя очень важной особой.

Еще до отъезда она почти исчерпала ресурсы заведения Терезы Донован в Чикаго. Нижнее белье, ночные пижамы, костюмы для прогулок, костюмы для выезда, вечерние туалеты, – всего этого у нее было в изобилии. При себе она имела шкатулку с драгоценностями на сумму не менее тридцати тысяч долларов. Ее туфли, чулки, шляпы и прочие дамские аксессуары не

⁸ Анри Руссо (1844–1910) – французский художник-самоучка, видный представитель наивного стиля живописи. Грёз, Жан-Батист (1725–1805) – французский жанровый живописец. Филипс Вауэрман (1619–1668) – голландский художник, наиболее прославленный сценами охоты. Лоуренс, Томас (1769–1830) – английский художник, модный портретист эпохи Регентства (прим. пер.).

подавались подсчету, и это давало Каупервуду основание гордиться ею. Она обладала способностью жить на широкую ногу. Его первая жена была бледной и довольно худосочной, в то время как Эйлин буквально лучилась физической энергией жизни. Она напевала, жестикулировала, прихорашивалась и позировала. Некоторые люди чужды самоанализу или размышлению о прошлом. Земля с ее долгой историей для Эйлин была лишь ориентиром, смутным представлением. Возможно, она слышала о существовании динозавров и летающих рептилий, но это в любом случае не произвело на нее глубокого впечатления. Кто-то сказал или продолжал утверждать, будто люди происходят от обезьян, что было полным абсурдом, хотя и могло оказаться правдой. Зеленые водяные валы, грохочущие в открытом море, подразумевали некую безмерность и ощущение ужаса, но это не имело ничего общего с той безмерностью, которая существует в сердце поэта. Корабль был надежным и безопасным; сам капитан в голубом мундире с латунными пуговицами говорил ей об этом, когда они сидели за столом, и она безоговорочно верила ему. Кроме того, рядом с ней постоянно находился Каупервуд, следивший за ситуацией в целом, предусмотрительно управлявший ходом жизненного спектакля и помалкивавший об этом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.